

Алексей Викторович Андронов
Елена Ильинична Симонато, Витторио С. Томеллери

Евгений Дмитриевич Поливанов,
Абхазский Аналитический Алфавит.

Издание текста с переводом на английский язык

о. *Предисловие*

В настоящей статье* вниманию читателей предлагается издание ранее не публиковавшейся (и не предназначавшейся для публикации) работы одного из крупнейших советских лингвистов, Евгения Дмитриевича Поливанова (1891-1938). В данном сочинении автор подробно и весьма убедительно излагает свои лингвистические возражения по поводу Абхазского Аналитического Алфавита академика Николая Яковлевича Марра (1864/65-1934), исходя из соображений как теоретического (фонетико-фонологического) так и практического характера.

Рукопись, хранящаяся в фонде Н.Я. Марра в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (фонд 800, опись 6, дело 395; Леонтьев 1968: 43) и давно ожидавшая публикации (см. Концевич 1991а: 291; 1991б: 593), воспроизводится здесь наборным изданием и снабжается английским переводом, а также примечаниями и библиографическими ссылками.

Публикацию русского текста предваряет вступительная статья издателей, состоящая из четырёх разделов. В первом разделе кратко представлены основные характеристики аналитической транскрипции Н.Я. Марра; второй касается лингвистической дискуссии, возникшей вокруг Абхазского Аналитического Алфавита после его введения в качестве официального алфавита; третий представляет собой комментарий к некоторым вопросам абхазской фонетики и транскрипции; в четвёртом сообщаются сведения текстологического характера и поясняются принципы передачи особенностей текста рукописи при публикации.

и. *О предмете спора*

1.1. Абхазский Аналитический Алфавит (далее – ААА) представляет собой результат эволюции своеобразной транскрипционной системы, первоначально приду-

* Работа является плодом научных усилий трёх авторов. Первый раздел предисловия написан В.С. Томеллери, авторство второго принадлежит Е.И. Симонато, третий и четвёртый подготовлены А.В. Андроновым в рамках научного проекта *Лингвистика утраченная и обретённая (уроки языкового строительства в СССР)* (грант Российского научного фонда № 16-18-02042). Перевод текста Поливанова на английский язык осуществила Грация Джаннетта (Мачерата). Весь текст согласовывался, дополнялся и перерабатывался в ходе совместного критического обсуждения.

манной Н.Я. Марром в конце позапрошлого столетия для графического изображения грузинского и армянского языков с помощью латинских (в основном), а также греческих, русских и арабских букв в сочетании с надбуквенными и подбуквенными знаками точки и угла (Mapp 1899: xi-xii). Как известно, с течением времени научные интересы Марра бурно расширялись и подвергались существенным изменениям; соответственно развивался и использовавшийся в его работах аналитический алфавит, получивший название яфетиологической транскрипции и служивший для передачи звуков всех кавказских (яфетических) языков: яфетиологическая транскрипция применялась во многих кавказоведческих работах 30-40-х годов (Климов 1962: 15). При этом абхазский язык, один “из сложнейших по консонантизму языков Кавказа” (Ахвlediani 1940: 89), являлся надёжной точкой отсчёта “для разработки универсальной фонетической транскрипции” (Исаева 2011: 148), как сам изобретатель яфетиологической транскрипции неоднократно подчёркивал:

Если же мы однако первый опыт начинаем с абхазского письма, есть на то совершенно уважительное основание, независимо от потребности и желания самих абхазов. Дело в том, что абхазский язык имеет почти восемь десятков (не менее 78) звуков. Алфавит, передающий все эти многочисленные фонемы, покрывает потребности громадного большинства даже яфетических языков Кавказа, так разнообразно богатых звуковым составом (Mapp 1926a: 27-28).

Данная система, осложнённая дополнительными знаками (кружком и зубчиком), которые присоединялись к букве с правой стороны для обозначения лабиализации и палатализации, в конце концов превратилась в AAA¹, использованный Марром в абхазско-русском словаре (Mapp 1926b) и, до этого, в работе по записи абхазских текстов (Mapp 1918; см. также Hewitt, Khiba 2002: 48).

1.2. Аналитический способ письменной передачи фонем состоял в том, что простые звуки обозначались простыми знаками, а сложные – сложными. Следуя своему индивидуальному, не совсем прозрачному восприятию Марр сравнивал аналитическую транскрипцию с системой записи чисел цифрами, различающей позиционно единицы, десятки и сотни (Mapp 1926a: 30-32; это сравнение неизменно цитируется в работах, посвящённых аналитической транскрипции, напр. Гранде 1936: 56; Matthews 1953: 67). Согласно математическому принципу, положенному в основу построения AAA, “пристроенный на простой букве каждый дополнительный знак имеет своё прямое назначение” (Mapp, Мегрелидзе 1984: 19). “Звуки-десятки”, обозначающие аффрикаты, являются составными: первый их элемент составляют взрывные зубные (*t*, *d*, *θ*)² или заднеязычные (*k*, *g*, *q*), а второй – щелевые, разделяемые Марром на “сибилянты” (*s*, *z*, *sh*, *j*) и

¹ История возникновения и развития AAA прослеживается в статьях Tomelleri 2016a и Томеллери 2017; интересный лингвистический анализ марровского алфавита провёл Matthews 1953, философско-идеологическую интерпретацию AAA предлагает Sériot 2013.

² Сопоставительную таблицу символов AAA и МФА см. на с. 213-214.

“спиранты” (*h, γ, ε, y*) (Mapp 1926a: 41)³. Следовательно, если, например, грузинские взрывные и щелевые согласные дентального ряда *σ* [t^h] и *β* [s] выражались простыми буквами *გ* и *ს*, то дентальная аффриката *ც* [ts^h], соответствующая им по месту образования (= *გ + ს*), обозначалась той же основной буквой, снабжённой надстрочной точкой: *გ* (подробное описание и критический разбор см. Чикобава 2010 [1926]: 165-167⁴; Ахвlediani 1926; 1937: 14-15; 1938: 176-178; 1949: 178-180 = 1999: 180-182):

	Единицы (взрывные)		Единицы (щелевые)		Десятки (аффрикаты)
Придыхательный	σ გ [t ^h]	+	β ს [s]	=	ც გ [ts ^h]
Абруптивный	Ծ տ [t [?]]	+	Ծ ს [s]	=	Ծ տ [ts [?]]
Звонкий	Ը ձ [d]	+	Ը զ [z]	=	Ը ձ [dз]
Придыхательный	σ გ [t ^h]	+	Ծ շ [ʃ]	=	Ծ գ [t ^h]
Абруптивный	Ծ տ [t [?]]	+	Ծ շ [ʃ]	=	Ծ տ [t [?]]
Звонкий	Ը ձ [d]	+	Ը յ [ʒ]	=	Ը ձ [dз]

К “сотням” относятся имеющиеся в абхазском языке признаки лабиализации и палатализации. В аналитическом алфавите признак лабиализации “выражается кружком, который ставится на месте завершения рукописной буквы” (Юшманов 1937: 28), тогда как при палатализации к стержневому знаку прибавляется зубчик:

	Десятки (аффрикаты)		Сотни (лабиализация)		Сотни (палатализация)
Придыхательный	ც გ [ts ^h]		ց		(ց) ⁵
Абруптивный	Ծ տ [ts [?]]		տ		(տ)
Звонкий	Ը ձ [dз]		ձ		(ձ)
Придыхательный	Ծ գ [t ^h]		<ց°>		ց ⁶
Абруптивный	Ծ տ [t [?]]		<տ°>		տ
Звонкий	Ը ձ [dз]		<ձ°>		ձ

³ Сибилинты далее Mapp делил на свистящие (*s, z*) и шипящие (*sh, J*), а спиранты – на длительные (*h, γ*) и прерывные (*ε, y*) (Гранде 1936: 55).

⁴ Следует отметить, что фонетическая часть рецензии на древнегрузинскую грамматику Марра (Mapp 1925a) принадлежала Г. Ахвlediani (Чикобава 2010 [1926]: 164, прим. 1).

⁵ В круглых скобках даются фонемы, отсутствующие в литературном абхазском языке, основывающемся на абжуйском диалекте, но засвидетельствованные в более сложном бзыбском (подробнее см. Бгажба 1964: 30-33 и 43-52); в угловые скобки заключены обозначения теоретически возможных (но не представленных в абхазском) фонем.

⁶ Вместо таких комбинаций (*ց, տ, ձ*) при записи абхазских палатализованных шипящих аффрикат Mapp использует знаки без зубчика (поскольку соответствующие непалатализованные трактуются им как геминированные и получают поэтому особый отличительный знак – подстрочную чёрточку: *ց, տ, ձ* (Mapp 1926a: 42-43); ср. несогласие Поливанова с употреблением подстрочной чёрточки – пункт 3 на границе листов 15-16).

Используемые в AAA точка и “угол”, по терминологии Марра (1926а: 33), распределены дополнительно: точка ставится при глухих согласных, угол – при звонких. Поскольку звонкость и глухость различаются уже использованием разных букв, дифференциация точки и угла не имеет смысла (ср. Matthews 1953: 68). Возможно, поэтому в рукописи Поливанова нередко вместо угла стоит точка (а в единственном случае употребления символа звонкой шипящей “мягкой” аффрикаты угол перевёрнут: *d* вместо *đ* [л. 10], в черновой же версии таблицы вместо угла здесь точка: *d* [л. 11]). Эти мелкие неточности, косвенно свидетельствующие о действительной сложности системы диакритических знаков AAA, в настоящей публикации не исправлялись.

1.3. Специально не занимаясь вопросами фонетики, Марр рассматривал фонему в аспекте глоттогенеза:

Но звуки речи, так называемые фонемы, это результат особой работы человека, коллективной работы над её производством; они получены в результате общественной работы, по всем видимостям, с коллективной или хоровой песней (Marr 1925б: 26 = 1933: 212)⁷.

Соответственно, и транскрипционная система Марра была призвана отражать не столько звучание, сколько тип фонем согласно представлениям яфетической теории о сильных и слабых звуках, причём такое наименование носило не физиологический, а “общественный” характер, так как “слабые действительно легче и скорее подвергаются изменениям и даже исчезновению, чем сильные” (Marr 1926а: 29); поэтому “аффрикаты” записаны теми же начертаниями букв, что простые взрывные согласные. Характерная для всех яфетических (кавказских) языков троичная система взрывных (глухой абруптивный, звонкий и глухой придыхательный⁸) охватывает все сильные простые согласные, которые изображаются “тремя независимыми друг от друга начертаниями, также простыми, т. е. не только без использования дополнительной буквы, но без всяких придаточных знаков” (Marr 1926а: 29): *p* → *b* → *φ*, *t* → *d* → *θ*, *k* → *g* → *q*⁹. По мнению Марра, “аффрикаты” представляют собой остатки “более ранней

⁷ Ср. также его известное определение: “В языке не звук, а фонема, отработанный человечеством членораздельный звук <курсив мой – В.Т.>, сопровождаемый работой мозгово-го аппарата, раньше влиявшего в тех же целях на руку, звук, направляемый мышлением, как раньше направлялось им движение руки, жесты и мимика линейной речи” (Marr 1926г: 319 = 1936: 200; на немецком языке Marr 1926: 586; цитируется также в работе Marr 1929а: 51).

⁸ В терминологии Марра члены этих троек различаются “степенью озвончения”: глухой, звонкий и средней звонкости (Marr 1925а: 10–11; см. также Мещанинов 1931: 5).

⁹ Удивляет употребление латинской буквы *q* (вместо греческой буквы *χ*) для обозначения взрывного глухого придыхательного [*k^h*], тогда как при соответствующих звуках губного и переднеязычного рядов выступают греческие буквы *φ* и *θ*, см. также в тексте Поливанова

стадии развития языка; в языках более новых формаций они слабее представлены, так как часть из них успела уже исчезнуть из того или иного языка” (Гранде 1936: 53). Во всяком случае, если в дентальном ряду графическая передача аффрикат находит подтверждение в артикуляционно-фонетической реализации соответствующей фонемы, то заднеязычные и увулярные относить к аффрикатам фонетически никак нельзя¹⁰, что иллюстрирует следующая таблица¹¹:

	Единицы (взрывные)		Единицы (щелевые)		Десятки (“аффрикаты”)
Придыхательный	đ q [k ^h]	+	h [χ]	≠	q [χ] – b
Абруптивный	ʒ k [k [?]]	+	h [χ]	≠	k [χ [?]] – y
Звонкий	ʒ g [g]	+	γ [χ]	≠	g [χ] – ɔ
Придыхательный	đ q [k ^h]	+	ɛ [χ]	≠	<q> [q ^h] – ʒ
Абруптивный	ʒ k [k [?]]	+	ɛ [χ]	≠	<k> []
Звонкий	ʒ g [g]	+	u [χ]	≠	<g> []

Ср. о том же в публикуемой рукописи Поливанова (IV раздел, лл. 16-17):

Наиболее существенным недостатком ААА (и Яфтидологической транскрипции вообще) является употребление надстрочной точки · в k̄ q̄ (– для глубоко-заднеязычных q[?] x (МФА)). Ведь по трактовке Марра · над буквой (как напр. в ī ɸ̄ = c[?] c̄) означает определённый сорт *аффрикат* (– в ряду передне-язычных, – свистящие аффрикаты). || Но что же общего с аффрикатами в k̄ q̄ (ААА) = q[?] x (МФА)? Очевидно, Марр совершенно упускает разницу между k̄ и k̄ (ААА), т. е. между k[?] и q[?] (МФА) *по месту образования* (в первом случае – *не-глубокий*, во втором – *глубокий* заднеязычный ряд), заменяя её *метафизическим* (– для данного случая) понятием аффрикатности <курсив Поливанова>.

(раздел IV, пункт 1 на л. 13): “В первых двух рядах (губном и передне-язычном) взяты греческие буквы, а, следовательно, аналогия требовала бы и в третьем ряду (для k̄ (МФА)) взять греч. χ (‘хи’). Причиной выбора q, по словам африканиста Николая Владимировича Юшманова (1896-1946), была графическая форма греческого χ, “неудобного для насадки диакритических знаков” (Юшманов 1937: 24).

¹⁰ Юшманов (1937: 33) употребляет для обозначения марровских заднеязычных “аффрикат” удачный термин “аффрикатоиды”.

¹¹ Таблица основывается на работе Мещанинова (1931: 10); в угловые скобки заключены звуки, отсутствующие в абхазском языке. Пустые транскрипционные скобки обозначают неясность фонетического значения “аффрикатоида”. О трудности собственно фонетической интерпретации марровских аффрикат свидетельствует замечание Юшманова (1937: 33): “В самом деле, настоящий аффрикат мы получили бы только из g + γ, тогда как придыхательное q <МФА [k^h]> и эйктивное k <[k[?]]> нисколько не изменились бы в сложениях q + h и k + ɛ, так как придыхание h и гортанный взрыв ɛ друг друга уничтожают, а сложение g + u дало бы палатализованное (или даже палatalное) g”.

По терминологическим и понятийным соображениям яфетиологическая транскрипция, претендующая на универсальный характер, не могла в действительности считаться надёжной фонетической транскрипцией:

<...> яфетиологическая транскрипция, несмотря на то, что в основе её и лежат известные теоретические положения, не является фонетической транскрипционной системой (дело в том, что выбор известных обозначений продиктован не физиологическим составом данных звуков, а этимологическими соображениями о происхождении их; фонетическим nonsens'ом является и распространение понятия “аффрикат” на заднеязычные спиранты и смычные, а с ним и появления знаков вроде *k̄ q̄ k̄ q̄ ḡ* – в параллель к *t̄ ð̄ t̄ ð̄* (тогда как на самом деле подлинные заднеязычные аффрикаты представлены в меньшинстве кавказских языков, и в таких системах, как грузинская, абхазская или чеченская совершенно отсутствуют)) (Поливанов 1928: 177)¹².

1.4. В рамках языкового строительства ААА был введён в качестве практического алфавита для абхазского языка в 1926 году¹³, но смелый эксперимент “вследствие практических неудобств (многобуквенность, чрезвычайная сложность графического начертания букв)” (Бгажба 1967: 58)¹⁴ провалился; в результате, два года спустя он был заменён другой системой, также основанной на латинском письме. До и после кратковременного периода использования ААА в качестве официального алфавита велись научные дискуссии о его недостатках и, прежде всего, о его применимости к решению практических задач. В спорах принимали участие видные языковеды того

¹² О непоследовательности ААА см. также Matthews (1950: 22 и 1953: 68). В этом отношении любопытны слова Н.В. Юшманова, защищавшего терминологическую неувязку: “В аналитическом алфавите звуки, которые по способу Международной фонетической ассоциации можно обозначить [χ', χ, χ] и [q', G, q'], трактуются как аффрикаты, причём первый ряд называется ‘длительными аффрикатами’, а второй ряд ‘прерывистыми аффрикатами’; в этих названиях уже есть указание на современное произношение первого ряда без предыдущей смычки, а потому длительное, и второго ряда – без последующего щельного, а потому мгновенное или прерывистое. Но ведь ‘аффрикат’ с эпитетом ‘длительный’ или ‘прерывистый’ является противоречием? Да, но такими противоречиями полна вся фонетика” (Юшманов 1937: 32).

¹³ Обычно считается, что он официально использовался в Абхазии с 1926 по 1928 год (Бгажба 1967: 58), но Николай Феофанович Яковлев (1892-1974) даёт несколько иную датировку: “абхазский аналитический алфавит, будучи принят в Абхазии в 1924 году и практически введён в школы и печать в 1925 году, уже через два года вызвал сильнейший протест учительства и был заменён существующим сейчас новым унифицированным алфавитом” (Яковлев 1931: 49; см. также Mapp 1926a: 14).

¹⁴ Ср. также Яковлев (1931: 48): “Благодаря обилию одинаковых стержневых букв ААА чрезвычайно трудно запоминается. Такие знаки как *t̄, t̄, d̄, d̄, k̄, k̄* и т. д. постоянно путаются у обучающегося грамоте. Отсюда повышенные рецидивы неграмотности, полное забвение выученного алфавита школьниками во время каникул”.

времени, в частности, Н.Ф. Яковлев (1931; об этом см. также Simonato 2005 и Tomelleri 2016a: 141–142) и главный герой настоящего издания. Интересно отметить, что чуть раньше Поливанов выступал с более нейтрально-сдержанной статьёй, в которой он попытался объяснить неосведомлённому читателю фонетическое значение аналитической транскрипции по отношению к грузинскому консонантизму:

Одной из причин недоверия и не общепринятости гениальных изысканий акад. Н.Я. Марра являются его своеобразные транскрипции и фонетическая терминология (наименования согласных вроде “сибилянтов”, “спираントв”, “аффрикат” – не совсем в том значении, в каком эти термины приняты на Западе, и т. п.). Потому в качестве предварительного сообщения, предшествующего подготовленному мною “Очерку грузинской фонетики”, я счёл бы полезным дать краткую классификацию грузинских согласных фонем, обозначив их символами международного фонетического алфавита и общепринятыми терминами – в соответствии транскрипции Н.Я. Марра (Поливанов 1925: 113).

Как явствует из приведённой цитаты, статья открывается осторожными словами (или просто “программным” абзацем со славословием в адрес Марра?); дальше идёт фонологическое описание грузинских согласных, а символы яфтидологической транскрипции просто сообщаются рядом¹⁵.

2. *О научном и идеологическом контексте статьи Е.Д. Поливанова*

2.1. В данном разделе предпринимается попытка ответить на вопросы о том, почему Поливанов, не будучи кавказоведом, обратился в Академию абхазского языка и литературы с критикой марровского проекта абхазского алфавита, и какова была альтернатива этому проекту. При этом мы не будем останавливаться на изложении взаимоотношений между двумя учёными, что уже было подробно описано ранее (Alpatov 2013: 9; Polivanov 2014: 18–22).

Публикуемая рукопись была направлена Поливановым в Комисариат народного просвещения Абхазской ССР в ноябре 1927 года, как указано в сопроводительной записке (л. 1; ср. также входящий № 3596 от 5 декабря 1927 года, по-видимому, относящийся к делопроизводству Комисариата; в верхнем левом углу читается карандашная резолюция “В Академию абхазского языка и литературы”¹⁶). В этой же записке Поливанов отмечает, что рукопись излагает содержание сделанного им в Москве доклада. Таким образом, имеется в виду доклад, предшествовавший упоминаемому во многих

¹⁵ В конце автор даёт “историко-фонетическую” характеристику двум щелевым звукам, обозначаемым Марром буквами *q* и *g* (см. об этом Иванов 1957: 61; подробнее об этой статье см. Tomelleri 2016b).

¹⁶ Об истории Академии см. Бгажба 1961 (а также Бгажба 1958, где отмечается, в частности: “В составе этого учреждения не было квалифицированных научных кадров, исключая, конечно, его организатора и почётного председателя Н.Я. Марра”).

источниках докладу Поливанова “Абхазский аналитический алфавит”, который был прочитан 9 марта 1928 года в заседании секции языка и литературы в рамках колективной темы *Вопросы прикладной лингвистики* Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов советского Востока Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИОН) (Архив РАН, фонд 677 (фонд Института), оп. 1, д. 33, л. 144)¹⁷. Письмо Поливанова написано в ноябре 1927 года. Время это небезынтересное в хронологии “языкового строительства”, так как 1926 год – это год проведения Тюркологического съезда (26 февраля – 5 марта), на котором обсуждались принципы так называемого “алфавитного строительства”. Именно этому съезду Марр и посвятил свой проект ААА (ПВ26: 180). Обращение Поливанова в Наркомат просвещения имело целью изложить свою точку зрения на проект Марра, указать на его недостатки научной и педагогической общественности¹⁸. В сопроводительной записке Поливанов поясняет:

Предлагаемая рукопись моего доклада об Абхазском алфавите *не предназначается для печати* <здесь и далее в цитатах курсив мой – Е.С.>. С другой стороны, она не рассчитана и на популярное изложение; поэтому я прошу смотреть на неё просто как на изложение моего мнения об ААА – в той форме, которая представилась мне возможной для мотивировки моих положений (л. 1).

Одна из причин обращения Поливанова, к разбору ААА, безусловно, связана с сугубо научным характером последнего:

Исключительное положение этой графической системы именно и состоит в том, что здесь автором алфавита является *крупнейший учёный*, исходивший в выборе знаков из своей научной транскрипционной системы – “яфетиодологической транскрипции” (л. 2).

¹⁷ См. также ф. 677, оп. 3, д. 78 (личное дело Е.Д. Поливанова), л. 23 (НИЗо: 243; Чобан-Заде 1928: 30 и др.). Некоторая путаница в отношении времени докладов Поливанова наблюдается у Л.Р. Концевича: ср. “в РАНИОН’е зимой 1927-1928 гг. и на секции языка и литературы Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока (Иннарвос) 9 марта 1928 г.” (Концевич 1991б: 615) и “на секции языка и литературы Иннарвоса 9 марта 1928 года, и затем в РАНИОН” (Концевич 1991б: 584). В указанных нами выше архивных и опубликованных материалах, на которые опирается Концевич (вместо ф. 677 на с. 615 у него ошибочно напечатано 667), точно сообщается лишь дата доклада 9 марта 1928 г. (ей не противоречит и менее точная датировка 1927-1928 академическим годом). Поскольку Институт народов Востока входил в состав РАНИОН, речь в названных документах может идти именно об одном и том же докладе.

¹⁸ Должный “ход” статье Поливанова, однако, дан не был. Примечательно, что текст сохранился в фонде Марра (в Государственной академии истории материальной культуры), а не в Комиссариате народного просвещения Абхазии, куда был направлен.

Немаловажное значение в дискуссии вокруг абхазского алфавита имеют именно расхождения между Марром и Поливановым в вопросе о понятии ‘фонемы’, а также самих основах системы практической транскрипции, на которые обращали внимание различные исследователи (Simonato 2005; Томеллери 2017 и др.). В этой связи в рукописи упомянут проект якутского алфавита, разработанный в 1917 году, до и независимо от Октябрьской революции¹⁹, якутским политиком и лингвистом Семёном Андреевичем Новгородовым (1892-1924; о проекте якутского алфавита см. Smith 1993: 173-174). Эта новая система письма для якутского языка на латинской основе ориентировалась на Международный фонетический алфавит с некоторыми дополнениями (Коркина, Дмитриев 1977: 8; Коркина, Макаров 1991: 8). Над своим алфавитом Новгородов работал, являясь студентом Петроградского университета, где в это время преподавал Поливанов, проявлявший к проекту молодого исследователя большой интерес и участие (Поливанов 1931: 98; Иванов 1957: 63; Ларцев 1988: 59-60).

2.2. Второй причиной выступления Поливанова с анализом абхазского алфавита, предложенного Марром, является тот факт, что

абхазский графический вопрос может заслуживать особенного внимания уже благодаря исключительному фонетическому богатству абхазского языка (с которым в этом отношении не может сравниться ни один из других языков), – что делает задачу составления абхазского алфавита не в пример другим (даже другим кавказским) письменностям – весьма *сложной и трудной* (л. 4-5).

Абхазский язык обращал на себя внимание не только Поливанова. Можно предположить, что разногласия между учёными в вопросе абхазского алфавита обусловлены отчасти и тем, что к середине 1920-х гг. абхазский язык был изучен недостаточно. Абхазский является во многих отношениях языком уникальным. Его изучение важно для разработки истории и теории языковых союзов, кавказских древностей, истории письменности, фонологии, эпиграфики, для выявления специфики убыхского языка, для уточнения генеалогической и типологической классификации языков, раскрытия смешанного характера контактирующих языков. Абхазский привлекал исследователей различного плана – кроме Марра, Поливанова, Яковлева, это Андрей Михайлович Шёгрен (1794-1855), Иван Иванович Мещанинов (1883-1967), Анатолий Несторович Генко (1896-1941), Георгий Фёдорович Турчанинов (1902-1989) и др. Многие теоретические принципы лингвистического описания впервые были разработаны и апробированы именно на материале абхазского языка. Учёных привлекала чрезвычайная фонетическая сложность абхазского языка. Уже Пётр Карлович Услар (1816-1875) писал:

¹⁹ Первый якутский букварь – при участии Новгородова – был напечатан уже в конце 1917 года (Ионов 1917).

Не только европейцы, но даже кавказские туземцы считают абхазское произношение наитруднейшим и наименее доступным для не-абхазца. Странное впечатление производит этот язык на того, кто слышит его впервые! Многими замечено было, что английский выговор походит на щебетание птиц; об абхазском можно сказать, что он напоминает жужжание насекомых. Основа абхазского произношения состоит из сплетения самых разнообразных звуков шипящих, дрожащих, свистящих, жужжащих, но разнородность их ускользает от непривычного слуха. Чтобы распутать это *ширавари* звуков, нет другого средства, как положиться на слух самих туземцев, которые всегда безошибочно укажут на звуки тожественные и на звуки разнородные. На таком лишь начале удалось составить абхазскую азбуку (Услар 1887: 5-6).

Н.С. Трубецкой называл абхазский “наитруднейшим и наименее гармоничным из кавказских языков”: “*Au point de vue phonétique c'est bien la langue la plus difficile et la moins harmonieuse de tout le Caucase*” (Troubetzkoy 1924: 336-337)²⁰.

В 1920-е гг. изучение абхазского языка ведётся сразу в нескольких вузах и научно-исследовательских институтах России. В Петрограде его преподают в университете. В Сухуми по инициативе Марра в 1925 году образована уже упоминавшаяся Академия абхазского языка и литературы (Габуния 2011: 189), возглавляемая Марром и его учениками-абхазами А. К. Хашбой²¹ и В. И. Кукбой²². В 1921-1922-х гг. экспедиции на Северный Кавказ организуются также Институтом яфетиологических разысканий (ОЗ26). В 1920 же году к исследованию абхазского языка обращается и Яковлев, решивший, как он запишет в автобиографии, “переменить специальность и заняться языками и этнографией народов Северного Кавказа, изучением которых русская наука к этому времени почти перестала заниматься” (Алпатов 2012: 38).

Поливанов в этих экспедициях участия не принимает. Подтверждением этого факта является выступление Льва Ивановича Жиркова (1885-1963) в 1928 году на Третьем Пленуме Всесоюзного Центрального Комитета Нового Тюркского Алфавита (ВЦКНТА), где он ставит в вину Учёному совету то обстоятельство, что по абхазскому алфавиту не было запрошено мнение специалистов, и что “была использована

²⁰ Трубецкой является автором отзывов о трудах Яковлева, публиковавшихся в 1925 г. (Troubetzkoy 1925). Он высоко ценил достижения Яковлева по кавказским языкам (Troubetzkoy 1925: 286; Troubetzkoy 1939: *passim*; Dumézil 1934: 32. О полемике между Дюмезилем и Трубецким см. Eríbon 1992: 314-321).

²¹ Арсен Константинович Хашба (1900-1938), аспирант Яфетического института, собиратель диалектных материалов по абазинскому и кабардинскому языкам. Член “Абхазского комитета нового латинизированного алфавита”, в 1938 году был репрессирован по ложному обвинению, связанному “с переводом абх. алфавита на груз. графическую основу” (Хеция 2015: 692).

²² Виктор Иосифович Кукба (1904-1944), аспирант Яфетического института, специалист по северозападнокавказским языкам, был репрессирован в 1938 году, умер в заключении несколько лет спустя (Саманба 2015: 436).

только опытность Поливанова, но в этой области имеются труды и других специалистов, которых обойти нельзя, например, профессора Яковлева" (СО3: 12)²³. Яковлев также в своём выступлении на данном пленуме сожалеет о том, что

Запрос был послан проф. Поливанову, который является специалистом по дальневосточным и узбекским языкам и почему-то его сделали специалистом и по абхазскому, и почему-то не потрудились узнать, кто сейчас из учёных РСФСР является специалистом по этому вопросу (СО3: 126-127).

В стенограмме есть и ответ Поливанова:

Здесь сказали, что мне было поручено сделать два проекта алфавитов – дунганский и абхазский, но я заявляю, что я лично не брал такой задачи, потому что сидя в Москве и имея сношения только с двумя абхазцами, не представляется возможным сделать хороший алфавит, потому что нужно учитывать и настроение масс и все те спорные вопросы нововводимых начертаний, которые возникают в местной учительской, главным образом, среде.

Всё это можно решить только зная настроение местных школьных работников²⁴, поэтому я ограничился лишь очень пространными записками, но со скромным назначением, с задачей выяснения принципов, на основании которых можно создать данный алфавит. Составить же проект алфавита от "а" до "я", послать его на места с рекомендацией Научного Совета с тем, чтобы на следующий же день жизнь опрокинула этот вдали от масс составленный проект – на это я никогда не решался (СО3: 133).

2.3. Для понимания критических высказываний Поливанова, содержащихся в публикуемой работе, обратимся к анализу ситуации, сложившейся вокруг ААА к концу 1927 года. На момент выступлений Поливанова на Первом съезде ВЦКНТА в июне того же года (СО1: 149-151) и направления им своей рукописи в Комиссариат просвещения Абхазии в ноябре к ААА сформировалось двойственное отношение. Причиной этого явилось столкновение двух проектов – ААА Марра и основанного на так называемом "унифицированном алфавите"²⁵ проекта, предложенного ВЦКНТА и поддержанного Поливановым.

²³ Поливанов в письме упоминает "другие <свои> работы по вопросу абхазской письменности" (л. 1), о которых, тем не менее, на сегодняшний день ничего неизвестно, за исключением "Фонетической характеристики абхазского языка", на которую он ссылается в своём "Введении в языкознание для востоковедных вузов" (Поливанов 1928: III, 163).

²⁴ Это была принципиальная позиция Поливанова, подчёркнутая им и в предисловии к публикуемой рукописи (л. 2).

²⁵ "Новый алфавит" (НА) для 57 народов Советского Союза, разработанный на основе нового тюркского алфавита (НТА), состоял из 33 букв, к которым для каждого конкретного языка добавлялись так называемые "дополнительные буквы", и насчитывал в общей сумме 105 букв (Яковлев 1936: 29; см. также Simonato-Kokochkina 2010).

Поливанов неслучайно адресовал письмо именно в Сухумскую Академию. Это было сделано несомненно с учётом того высокого авторитета, которым пользовался Марр среди абхазской интеллигенции в 1920-е гг. (Яковлев 1932: 3; см. также Томеллери 2017: 280). Как известно, Марр лично присутствовал на заседаниях комиссии Наркомпроса Абхазии по выработке и уточнению представленного им проекта. Д. И. Гулиа²⁶ приводит интереснейшие факты из истории внедрения алфавита с 1924 по 1927 год. Так, о факте принятия алфавита Марра в 1924 году он сообщает следующее:

Приняли алфавит Марра. Комиссар просвещения Чочуа²⁷ также писал Марру: “Не внедряется Ваш алфавит, затрудняются писать и читать, трудный он и для практического применения, в нём много дополнительных знаков над и под буквами”. Марр отвечал: “Упростите начертание букв так, чтобы не нарушить аналитический принцип” (Мегрелидзе 1985: 14).

Уже в июле 1925 года Чочуа пишет о сложностях восприятия алфавита:

Присланный Вами алфавит произвёл на нас всех невыгодное впечатление своей сложностью, трудностью начертаний букв и многобуквенностью.

1. Печатный алфавит на отдельном листе многочисленен, сложен, труден для письма и производит нерасполагающее впечатление
2. Рукописный же текст довольно красив, приятен для глаза
3. В рукописном тексте почему-то отсутствуют многие буквы из печатного алфавита
4. Начертание одних и тех же букв производится различно, так что трудно установить точное начертание их (Переписка А. Чочуа с Марром, письмо от 29 июля 1925 г. Цит. по Мегрелидзе 1985: 37-38; см. также Габуниа 2011: 194).

Чочуа также в учитивой форме просит Марра внести изменения в алфавит:

Обсудив детально этот вопрос, члены Академии признали возможным изменение порядка алфавита и упрощение начертания букв, если это не нарушит Вашей научной системы. На Ваше одобрение представляю алфавит группы членов Академии. Больше не будем беспокоить Вас, Николай Яковлевич, относительно нового алфавита (Мегрелидзе 1985: 40).

²⁶ Дмитрий Иосифович Гулиа (1874-1960) был приглашён в Совнарком Абхазии для работы по проведению в жизнь проекта абхазского алфавита как одного из языков Республики. В частности, Гулиа создавал терминологическую комиссию при Абцике (подробно см. у Мегрелидзе 1985: 14, Бигуа 2015а).

²⁷ Андрей Максимович Чочуа (1879-1965) занимал должности заместителя, а затем наркома просвещения Абхазии (1925-1931), и в разное время – руководителя вузов и научно-исследовательских институтов (Куправа 2015).

В письме от 15 мая 1927 года упоминается о существующих мнениях о новом аналитическом алфавите, в частности, о мнении М.Л. Хашбы²⁸, цитируемом Чочуа:

Никого не удивлю я, если наш новый алфавит по его сложности и по его огромности назову китайским алфавитом. И для того, чтобы овладеть им ученику-абхазцу, сперва нужно быть художником – это также не удивит Вас, ибо об этом самом говорите и Вы тоже не так редко. Теперь, когда все подобные отстающие нации взялись за упрощение и развитие своего языка и своей письменности, мы, абхазцы, ради практического осуществления яфетической теории, наоборот, усложняем свой алфавит, делаем *технически недоступным* широкой массе трудящихся абхазцев (Мегрелидзе 1985: 49).

Лишь в январе 1927 года Чочуа, наконец, уведомляет Маррпа о непринятии его алфавита со стороны интеллигенции:

Время от времени появляются *статьи* в нашей абхазской газете о сложности и некоторой *непрактичности нового шрифта*, но *Ваш авторитет* и окончательное наше решение о введении нового шрифта заставляют молчать авторов этих статей. До получения нового шрифта и достаточного усвоения широкой массой – вопрос о новом шрифте не будет ставиться нигде (Мегрелидзе 1987: 46).

В письме к Маррпу от 25 апреля того же года Чочуа ставит его в известность о предстоящем визите в Академию для чтения курса лекций по грамматике абхазского языка Яковлева, “который произвёл на всех... серьёзное впечатление” (Мегрелидзе 1987: 48)²⁹. Несмотря на своё критическое отношение к алфавиту Маррпа, члены Академии просят самого же Маррпа уговорить Яковлева поддержать этот проект (заметим, что Яковлев вступит в дискуссию лишь в 1931 году со статьёй „Аналитический“ или „новый“ алфавит”):

Просил бы Вас, если вы одобрите приглашение проф. Яковлева, то способствовать его командировке (...). Но с *непременным условием*, чтобы новый наш алфавит в Вашей транскрипции был бы им одобрен, в противном случае между курсантами будут и могут возникать относительно нового шрифта разного рода толки (Мегрелидзе 1985: 48).

²⁸ Мушни Лаврентьевич Хашба (1903-1992), абхазский писатель и общественный деятель (Авидзба 2015), в 1937 году в своей докладной записке на имя Абхазского Обкома КП(б) Грузии выступал против перехода на новый абхазский алфавит на грузинской основе (Справка о контрреволюционно-националистическом движении в Абхазии см. <http://doc2ovek.ru/node/1502>).

²⁹ Как можно установить, Яковлев посещал Абхазию в начале 1927 года. Сведения об этой командировке мы находим в переписке Гулии с Маррпом, см. письмо Гулии от 10 января 1927 года: “В настоящее время у нас в Абхазии гостит профессор Н.Ф. Яковлев, который думает серьёзно заняться изучением абхазского языка” (Мегрелидзе 1985: 45).

Сам Яковлев пишет Р.О. Шор из Абхазии 14 сентября 1927 года:

В Абхазии я прочёл курс грамматики и абхазские учителя поднесли мне адрес, в котором, меж. проч., просят меня переговорить с Ник. Яковл. <Марром> *об упрощении его абхазского алфавита*. Вот так поручение!? (Архив Российской академии наук, ф. 677, оп. 3, д. 107, л. 114 об.).

Наконец, о таком же парадоксе упоминает и другой кавказовед, А.Н. Генко, работавший в Абхазии в июне-июле 1928 г. и участвовавший в реформе абхазского алфавита, курируемой Абхазской академией языка и литературы, автор статьи “Абхазский вокализм” (Генко 1928) и абхазско-русского словаря, вышедшего посмертно (Генко 1998). В письме Ф.А. Розенбергу³⁰ от 19 июня 1928 г. Генко упоминает о том, что, приехав в Сухуми, он попал “в крайне двусмысленное положение”:

именно абхазские деятели просвещения атаковали меня по части реформы абхазского шрифта, предложенного Ник. Як-чем. Не имея никакой возможности, без ущерба для своего намеченного предприятия, совсем уклониться от этого дела, я должен был давать им разные советы, которые клонились к изменению системы Н.Я. Опасаюсь взрыва ярости по своему адресу, но делать абсолютно нечего (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, ф. 850, оп. 3, д. 34, л. 4, цит. по: Волкова, Сергеева 1999: 107).

Первые детали о критике ААА становятся известными, начиная с 1928 года³¹. Чочуа приглашает Марра приехать и рассмотреть возможные упрощения: “Конечно, это ни в коем случае не повлияет на проведение в жизнь нового алфавита”, – заверяет он Марра. В письме от 5 апреля 1928 года находим и первое упоминание о критике, поступившей со стороны Поливанова:

проф. Поливанов написал целую критику по поводу нового абхазского алфавита, но своего не дал. Профессор Яковлев тоже. В Туркестане на Тюркологическом съезде, в январе текущего года³², где были Поливанов и Яковлев, представитель Абхазии – К. Дзидзария по настоянию, очевидно, этих профессоров, выступил с

³⁰ Фёдор (Фридрих) Александрович Розенберг (1867-1934), иранист-востоковед, член-корреспондент Академии наук СССР (Оранский 1972: 316), дружил с Марром и некоторое время увлекался его яфетической теорией (см. работы Розенберг 1923, 1927), затем отошёл от Нового учения о языке (Каганович 2011: 451-452). (В статье Волковой и Сергеевой [1999] перепутаны инициалы: “А.Ф. Розенберг”.)

³¹ В своём отчёте по весенней (14 апреля-3 мая 1928 г.) командировке в Абхазию Марр (1928: 546-548 = 1938: 389-391) упоминает возражения критиков, воспринимаемые им как “кампания против вообще яфетической теории, и, в частности, против яфетидологической транскрипции” (с. 546 = 389).

³² Очевидно, речь идёт всё-таки о Втором Пленуме ВЦКНТА (см. СО2).

критикой нового алфавита. На съезде с резкой критикой абхазского алфавита выступил председатель ЦИК Азербайджана т. Агамалы-оглы (Мегрелидзе 1985: 51).

2.4. В 1928 году принят новый проект абхазского алфавита на основе НА, разработанный ВЦКНТА, исправленный С.Я. Чанбой³³, А.К. Хашбой и Яковлевым и одобренный Поливановым³⁴:

Следующий вопрос, которым мы занимались – это была разработка абхазского алфавита. Абхазский алфавит по своим звукам является более сложным, чем языки Дагестана, о которых я только что говорил. В Абхазии, как известно Пленуму, существовал аналитический алфавит ак. Н. Я. Марра. Этот алфавит имеет приблизительно 70 звуков и даже больше, но он был объявлен негодным для практических – школьных и государственных целей. Мы же разработали практический школьный алфавит и он отвечает всем требованиям. Проф. Поливанов также пришёл к тому заключению, что этот алфавит может быть принят, хотя проф. Поливанов намечал создание другого проекта абхазского алфавита. Этот проект мы переслали на заключение в Комитет Абхазии. Окончательная же проработка абхазского алфавита была произведена местными работниками, в особенности т.т. Чанба и Хашба. Они у себя, с помощью культурного актива, с помощью научных работников, составили проект, который с графической стороны отвечает всем требованиям и является наиболее простейшим из проектов, которые были до сих пор. Таким образом, этот проект был нами одобрен (СО3: 110, из речи Б. Чобан-Заде).

На Третьем пленуме ВЦКНТА в 1928 году Умар Джасуевич Алиев докладывает о состоявшейся в Нальчике Черкесско-адыгейской конференции с участием представителей от абхазцев (СО3: 148). В Научном совете ВЦКНТА присутствуют Чобан-Заде, Яковлев, Жирков, Поливанов, Поппе, Юшманов, Юдахин и Самойлович, которые одобряют принятие на ней решение. Важно отметить, что новый проект абхазского алфавита разработан на основе так называемого “унифицированного алфавита” (НТА, впоследствии НА). Уже на Втором пленуме ВЦКНТА было решено разработать “единий горский алфавит” на основе НТА (Яковлев 1930: 49), а также

³³ Самсон Яковлевич Чанба (1886-1937), абхазский писатель, драматург, и видный культурный и общественный деятель, принимал участие в разработке нового алфавита, был ре-прессирован в 1937 году (Бигуаа 2015б).

³⁴ Сведения по поводу авторства данного проекта абхазского алфавита и роли Поливанова в его создании расходятся. Так, Чобан-Заде в своём докладе на Третьем пленуме указывает, что Поливанов намечал создание другого алфавита, но данный проект одобрил (СО3: 148), Габуния и Гусман Тирадо, напротив, называют Поливанова автором данного проекта (Габуния, Гусман Тирадо 2007: 14). Согласно ещё одному мнению, латинизированный абхазский алфавит был составлен Н.Ф. Яковлевым в 1928 году по поручению Наркомпроса Абхазии (Бгажба 1967: 58-59). Сам Поливанов на Третьем пленуме ВЦКНТА в Казани в декабре 1928 г. упоминает о том, что давал рекомендации теоретического характера (СО3: 133 – см. выше, с. 201).

говорилось о целесообразности унификации близкородственных языков по группам, адыгейского с черкесским и с абхазским³⁵. Позднее количество букв в этом проекте абхазского алфавита будет сокращено с 51 до 38 (Яковлев 1936: 29).

Как в 1931 году напишет Яковлев, ААА “давно сдан в архив истории в Абхазии” (Яковлев 1931: 43). К этому времени уже состоялась печально известная “Поливановская дискуссия”, и Поливанов де facto был отстранён от “алфавитного строительства”.

2.5. В качестве постскриптума процитируем строки из письма Марра Хашбе 5 декабря 1932 года:

<...> не моя вина, что *Абхазию оторвали от первенства в практическом применении нового учения об языке* и тем затормозили ход языкового строительства (следовательно национального строительства по-новому) (Мегрелидзе 1985: 58).

Знаменательно, что, несмотря на глубокое уважение к вкладу Марра в абхазоведение, отражённое в статье о нём в недавно вышедшем АБС (Медвенский 2015), в ней нет ни малейшего упоминания об ААА (см. также Салакая 2006).

Обсуждение проектов алфавита для абхазского языка таким образом всё больше приобретает идеологический подтекст. В 1932 году в защиту унифицированного алфавита в журнале “Революция и письменность” выступает также и А.М. Сухотин. Автор высказывает по поводу дискуссии на совместном заседании Научно-исследовательского Института языкоznания (НИЯЗ) и Института Народов Востока 5 мая 1931 г., на котором были заслушаны доклады проф. Яковлева и Дмитриева (Кельды), яфетидолога, не сдавшего своих позиций:

Что обо всём этом думают представители яфетидологии, того направления, которое они считают ведущим в советской лингвистике? Продолжают ли они настаивать на введении ‘абхазского аналитического алфавита’ в качестве практического унифицированного алфавита, или они предлагают что-нибудь другое и что именно? <...> Что же он <Дмитриев> собственно предлагает? Осчастливить все народы

³⁵ Интересен ход размышлений по поводу унификации горских алфавитов. Как объясняет Яковлев, основанием служила как фонетическая схожесть языков, так и фактор общения между данными народами. “Кабардинцы и нижние черкесы <...> представляют собою группу ближайше родственных языков, различие между которыми не мешает говорящим частично понимать друг друга. Что касается абхазского языка, то последний, принадлежа народу, с древнейших времён культурно-связанному с грузинами, несмотря на своё родство с черкесскими языками <...>, довольно сильно отличается от последних <...>. Однако есть целый ряд причин, благодаря которым унификация абхазского алфавита с черкесскими представляет собою назревшую проблему <...>. Абхазский язык по своему звуковому составу, по своей фонетике является нам многие черты, аналогичные фонетике черкесских языков” (Яковлев 1930: 51). Тут имеется в виду как количество, так и “способы различения” фонем, например, “надгортанность – подгортанность”, “твёрдость-мягкость”, “активная-пассивная лабиализация”.

СССР абхазским аналитическим алфавитом? (Он же ведь лучший из всех существующих: почему же его не вводить?) Или же ждать, когда из среды яфтидологов появится новый, ещё более совершенный – ‘единый’ алфавит? А жизнь не ждёт. Алфавитная революция идёт своим ходом (Сухотин 1932: 102).

Яфтидология оказалась неспособной повернуться лицом к революционной практике, а предпочла кабинетным путём разрабатывать свою универсальную лингвистическую транскрипцию (в основе которой лежит так называемый абхазский аналитический алфавит), рекомендуя её вместе с тем и в качестве базы для практических алфавитов отдельных национальностей

– заключает Сухотин (1932: 96).

2.6. Исследования абхазского языка не прерываются и после принятия проекта на основе унифицированного алфавита. В “Пятилетнем плане работы Института яфтидологических разысканий на 1929-1934 гг. от 6 марта 1929 г.” (ПП29: 216-221) за подписью Мещанинова упоминается: 1931 – лингвистическое изучение абхазского языка, 1931-1932 то же, то же на 1932-1933, а также составление словаря справочника по кавказским языкам (грузинскому, мегрельскому, чанскому, сванскому, абхазскому и др.).

Сам Марр, вероятно, уже отошёл от данной темы. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что в своём письме в АН СССР 28 июня 1929 г. учёный просит заменить абхазо-черкесскую экспедицию на балкаро-карачаевскую (Письмо Марра в Комиссию экспедиционных исследований АН СССР, Марр 1929б).

Исследования в направлении улучшения абхазского алфавита продолжаются и позже, но уже при Институте Востоковедения АН в Ленинграде. Так в “Уточнённом плане работы института на 1936 г.” (УП36: 57), предложенном местными комитетами нового алфавита на Кавказе, ставится задача осуществить преобразование алфавитов, т. е. произвести сокращение количества букв и стандартизацию графических знаков для абхазского, абазинского, кабардинского и адыгейского языков. Вслед за этим на Второй орфографической конференции обсуждается также вопрос об установлении орфографических правил для абхазского языка. А ведь конец 1930-х гг. – это период начала репрессий, от которых в Абхазии пострадает прежде всего интеллигенция.

3. Вместо “Фонетической характеристики абхазского языка”

3.1. Публикуемая рукопись является единственной сохранившейся работой Е.Д. Поливанова по абхазскому языку. Она, безусловно, не может заменить утраченный раздел “Фонетическая характеристика абхазского языка”, предназначавшийся для второго, не сохранившегося тома учебника Поливанова по введению в языкознание (Концевич 1991а: 291, 293)³⁶, но позволяет представить некоторые элементы

³⁶ “<Том был> доведён до стадии корректуры (об этом косвенно свидетельствуют ссылки на страницы второго тома в ряде работ самого Е.Д. Поливанова), но дальнейшая судь-

его концепции, ведь уже и по словам автора, одной из задач публикуемой статьи было “описать фонетическую систему языка – хотя бы в виде перечня различаемых в абхазском языке звукопредставлений³⁷” (л. 5).

3.2. Наиболее интересной представляется проблема “дорсально-губного” ряда согласных, постулируемого Поливановым:

Знаками $\psi^2 \psi' \psi''$ обозначаю ряд губных смычных особого образования: смычка образуется не концами, а более глубокими частями губ; местом смычки являются, следовательно, те части губ, что и при так называемом “губном *p*” (т. е. при звуке, передаваемом по-русски через “бррр...”; глухой его вариант мы имеем в русском “тпrrр...”). В этом смысле губные смычные данного ряда || могут быть названы “дорсально-губными”. Различие трёх вариаций по моменту гортанной работы (глухой смычно-гортанный или “гамзированный” ψ' , звонкий ψ , глухой открытого гортанного или придыхательный ψ'') – то же, что и в других рядах смычных и аффрикат). Исторически эти “дорсально-губные” восходят, по-видимому, к лабиализованным передне-язычным ($*t^w$ $*d^w$ $*j^w$): сп. напр. абх. *a-ψkən* “лавка <магазин>” < перс. گان *dūkān*. (л. 8-9).

Термин “губно-дорсальные” встречается и во “Введении в языкознание” Поливанова (1928: 163; сп. там же, с. 176 – о знаках $\psi^2 \psi' \psi''$, отсутствующих в МФА), а также в “Грамматике абхазского литературного языка” Яковлева, написанной в конце 1940-х – начале 1950-х годов и по рукописи изданной Б.Г. Джонуа, где этим звукам даётся следующая характеристика: “звуки *тә*, *ðә*, *ҭә* являются губно-губными вибрантами, при произношении которых губы касаются друг друга своей внутренней

ба его неизвестна. Скорее всего, он, как и ряд других работ Е.Д. Поливанова, был изъят из печати в связи с резко критическими выступлениями автора по поводу яфетической теории Н.Я. Марра, adeptы которой таким путём расправлялись с её противниками, а после ареста 1937 г. и уничтожен” (Концевич 1991б: 595).

³⁷ Как известно, в своих трудах Е.Д. Поливанов последовательно использовал термин “звукопредставление”, следуя психологической теории фонемы своего учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ, сп.: “Фонема – единое представление, принадлежащее миру фонетики, которое возникает в душе посредством слияния впечатлений, полученных от произношения одного и того же звука – психический эквивалент звуков языка” (Бодуэн де Куртенэ 1963 [1895]: 271); “Существующее в данном языке представление звука языка, способное ассоциироваться со смысловыми представлениями и дифференцировать слова, мы будем называть фонемой” (Поливанов 1928: 217). Так понимаемых фонем (звукопредставлений) в языке может быть больше, чем фонем, устанавливаемых при помощи структурного анализа (например, в Пражской или Московской фонологической школах) – сп. мнение Поливанова о наличии в русском языке отдельных звукопредставлений /i/ и /ы/, мягких заднеязычных (ПQр), а также “среднего” /l/ западноевропейского типа в языке дареволюционной интеллигенции (Поливанов 1931: 147-149 (= Поливанов 1968: 232-234; Polivanov 2014: 115-121); английский перевод: Polivanov 1974: 216-218).

поверхностью (дорсально-губная артикуляция). Этим звукам также свойственен оттенок смягчения” (Яковлев 2006: 310). В таблице типов согласных звуков Поливанов (1928: 174) помещает соответствующие символы в столбец дрожащих:

«...> данные дунганские, а с другой стороны, и абхазские губные дрожащие являются одноударными, тогда как фигурирующие в русском языковом быту *brrr...* и *ttppp(y)* состоят из нескольких дрожаний губ, т. е. являются многоударными. Эта особенность данных дунганских (и абхазских) звуков служит принципиальной для них чертой, так как только при одноударности возможна их фонологическая квалификация в качестве одного из рядов в системе смычных согласных (дунганского, resp. абхазского языка) (Поливанов 1968: 123).

Н.В. Юшманов (1937: 29) отмечает, что звуки *t^o d^o θ^o* “являются губными дрожащими (правда, одноударными – *flapped consonants*)”.

Содержание понятия “дорсальный” (традиционно: произносимый с участием спинки языка) применительно к рассматриваемым звукам необычно. Можно было бы предположить, что упоминаемый Яковлевым “оттенок смягчения”, или “получмягкость” (Яковлев 2006: 312, 313), отражает как раз участие спинки языка, обеспечивающее более высокий тембр данных звуков (как взрывных, resp. дрожащих, так и щелевых). Однако, на л. 14-15 публикуемой рукописи Поливанов, вновь возвращаясь к вопросу об этих специфических абхазских звуках, утверждает, что при их произношении “передняя часть языка (*areh*) не участвует вовсе”³⁸. Разъяснение термина “губно-дорсальный” находим в статье Поливанова “Закон перехода количества в качество в процессах историко-фонетической эволюции”³⁹ (здесь же и более подробный комментарий относительно рассматриваемых звуков – “смычных губных одноударно-дрожащего образования”): они характеризуются

несколько отличным (от *b* и *p*) местом образования: при *p* смычку образуют края губ, а при звуках типа β , φ – более внутренние зоны губных поверхностей (что и давало проф. Н.Ф. Яковлеву право называть эти абхазские согласные условным термином “губно-дорсальные”; при этом имелось в виду, конечно, не *dorsum* языка, а именно *dorsum* внутренней поверхности каждой из губ) (Поливанов 1968: 124).

Интересно, что трактовку рассматриваемых согласных Поливанов основывает в первую очередь на их артикуляционных характеристиках, настаивая на квалифика-

³⁸ Со ссылкой на краткую характеристику соответствующих артикуляций у А.М. Чочуа (1926: 8): “произнести в... губах, без участия других органов рта” (курсив Поливанова; отметим, что при переиздании “Самоучителя русского, абхазского и грузинского языков” А.М. Чочуа в собрании его сочинений замечание о пассивности других органов рта было опущено (Чочуа 1969: 157).

³⁹ Впервые опубликована в 1968 году по машинописному экземпляру из архива АН Киргизской ССР (Поливанов 1968: 319; Ларцев 1988: 302).

ции их как особого типа губных, а не лабиализованных переднеязычных, происхождение от которых он предполагает. Такой – чисто-фонетический – подход в целом не свойственен Поливанову, общая ориентация которого на функциональные особенности фонем подчёркивалась и в литературе (см., например, Аллатов 1988: 46). Уже общий взгляд на таблицу знаков МФА для абхазского консонантизма, предлагаемую в публикуемой рукописи (л. 7), наводит на мысль о том, что рассматриваемые фонемы (как и соответствующие щелевые) могут заполнять пустые клетки лабиализованных переднеязычных зубных (ср. также использование для них основных начертаний *t* и *d* в сочетании с кружком в ААА и *t*, *ð*, *c*, *з* в составе диграфов с *ə* в современной абхазской графике). О том же свидетельствует и наблюдаемый в абхазских говорах процесс делабиализации, в результате которого рассматриваемые звуки превращаются в переднеязычные (Бгажба 1964: 115, 117; Hewitt 2010: 11). Интересен также факт морфонологических чередований лабиализованных и нелабиализованных фонем в близко родственном абхазскому убыхском языке (см. комментарий Вяч. Вс. Иванова [Поливанов 1968: 331])⁴⁰.

3.3. Относительно “глубоких” и “неглубоких” заднеязычных в литературе (как, видимо, и в самом абхазском языке и его диалектах) нет единства. Одни исследователи (например, Клычев, Чкадуа 1998: 115) относят заднеязычные щелевые к неглубоким, объединяя [χ] и [k] (современные символы МФА), другие (например, Hewitt 2010: 10) отмечают, что заднеязычные щелевые являются увулярными ([χ]) и соответствуют увулярным взрывным ([q]). Последней точки зрения придерживается и Поливанов, не называя, однако, соответствующие звуки увулярными, а используя более общий термин “глубокие заднеязычные” (подробнее о типах заднеязычных см. Поливанов 1928: 152-154, 172-173).

В публикуемой рукописи для обозначения этих звуков использованы символы *x* и *з*, что соответствует употреблению Л.В. Щербы (1912: 172), следующего за Бругманном (*там же*: 170) и Сиверсом (*там же*: 178). Однако согласно таблице типов согласных звуков в учебнике самого Поливанова (1928: 174), символ *x* обозначает неглубокий заднеязычный глухой спирант (соответствующий звонкий – *γ*), глубокий же обозначается символом *χ* (звонкий – *κ*). По исправлениям в рукописи можно заметить, что Поливанов испытывал колебания в выборе обозначений для этих звуков: на л. 17 и 18 он дважды исправляет первоначальный комбинированный знак *χ* на обычное *x* (об аналогичных звуках в грузинском см. Поливанов 1925: 114-116), а на л. 19 дважды вычёркивает *κ* и пишет *з*.

⁴⁰ В типологическом контексте двухфокусных артикуляций данные звуки рассматривает Дж.К. Кэтфорд (Catford 1977: 189-191), специально лабиализованным согласным абхазского языка посвящена работа Catford 1972 (ср. Hewitt 1986 о лабиализованных свистящих в убыхском, а также обзор звуковых систем северокавказских языков и соответствующей литературе в книге Colarusso 1988).

3.4. Пояснение к обозначению гортанных звуков даётся Поливановым в учебнике (Поливанов 1928: 95-96):

Особая гортанная артикуляция наблюдается в гортанных спирантах, при которых принимает участие надгортанник (epiglottis) и которые можно поэтому называть “эпиглоттальными”; см. ниже в параграфе, посвящённом надгортаннику.

Звуки эти в большинстве языков (в том числе во всех западно-европейских) отсутствуют, и известны нам лишь из языков семитских, хамитских и некоторых кавказских.

Наиболее известный пример их – это арабские ζ (глухой) и ξ (соответствующий звонкий спирант).

Таковы же др.-еврейские π и ׁ . В практике МФА (=Международного Фонетического Алфавита) окончательный выбор знаков для ар. ζ и ξ ещё не определился, и в настоящем курсе я || пользуюсь символами [H] – для ζ и [Q] ξ – лишь потому, что эти знаки были предложены в официальном перечне символов МФА (см. Л. В. Щерба “К вопросу о транскрипции” Изв. Отд. Русск. яз. и сл. XVI (1911) кн. 4. <= Щерба 1912: 165>), вполне сознавая недостатки этих символов (известное неудобство транскрипционного употребления больших букв, а также непоследовательность в выборе Q для звонкого и притом спиранта). Однако, в качестве вполне условных (и временных) символов я допускаю H и Q – именно для данных звуков (арабского типа, т. е. спиранта) [...].

3.5. Поскольку основные различия между графическими системами, применявшимися для абхазского языка в разное время, состоят в обозначении шумных согласных, целесообразно обобщить их в виде четырёх таблиц, представляющих 1) Международный фонетический алфавит, 2) современную абхазскую графику⁴¹, 3) транскрипцию Е.Д. Поливанова, предложенную в публикуемой рукописи, и 4) абхазский аналитический алфавит Н.Я. Марра (см. с. 213-214). Для удобства ориентации таблицы организованы в порядке, близком к современному МФА (то есть развернуты относительно таблиц, данных Поливановым (л. 7 и 10): по горизонтали представлено место образования, по вертикали – способ; внутри ячеек, как в МФА, левые символы обозначают глухие, правые – звонкие согласные). При этом сами категории согласных организованы фонологически (отражают функциональные группировки и корреляции): по способу образования противопоставлены взрывные, аффрикаты и щелевые – с подразделением каждой строки на ряды “обычных”, палатализованных и лабиали-

⁴¹ В таблице использованы символы η и ζ (“с нижним выносным элементом”), хотя в абхазских текстах всё ещё часто используются более ранние η и ξ (“с крюком посередине”); нельзя не отметить многообразие функций этого диакритического элемента: при *n*, *t* и *k* он обозначает придыхательность, при *ч* и *е* – абруптивность, при *г* – щелинность, при *х* – гортанность (ср. Chirikba 2003: 15-16).

зованных⁴². Колонки глухих согласных подразделяются на абруптивные и аспирированные (за исключением гортанных, не различающих эти разновидности).

Символы в первой таблице (МФА) выбраны в соответствии с собственно фонетическими особенностями звуков. Так, аффрикаты включают “обычные” зубные ([d_z]), ретрофлексные ([d_{z̪}]), постальвеолярные ([dʒ]) и альвеопалатальные ([dʒ̪]). Это один из нередких примеров известной разницы между узко-фонетическим и фонологическим подходами (постальвеолярные считаются мягкими и могли бы обозначаться /dʒi/, а алвеопалатальные, являясь лабиализованными соответствиями “обычных” зубных, могли бы обозначаться /dʒʷ/).

Постулированный Поливановым ряд “дорсально-губных” в соответствии с современными представлениями (см. § 3.2) в таблицах распределён между переднеязычными: взрывные (одноударные дрожащие) занимают колонку зубных (рядом с лабиализованными аффрикатами, которые Поливанов не относил к дорсально-губным и помещал в раздел переднеязычных зубных, resp. свистящих), а щелевые – колонку альвеолярных (рядом с лабиализованными щелевыми).

Относительно глубоких и неглубоких заднеязычных в таблице отражено мнение Поливанова, но о существовании альтернативной точки зрения призвано свидетельствовать отсутствие разделительной линии между ячейками неглубоких и глубоких заднеязычных щелевых (неглубокие показаны в соответствующей ячейке таблицы МФА в скобках).

Согласно тому же принципу, в строке лабиализованных щелевых отсутствует разделительная линия между тремя ячейками (губных, зубных и альвеолярных), отражая многообразие мнений относительно соответствующих звуков (“дорсально-губных” по Поливанову). Ячейка зубных переднеязычных в этой строке содержит взятые в скобки символы *ɛʷ* и *zʷ* (являющиеся соответствиями взрывным *tʷʰ* и *dʷ*).

Гортанный звонкий щелевой в абхазском является одновременно палатализованным и лабиализованным, поэтому его обозначение ([Γʷ]) помещено между соответствующими строками.

⁴² Ввиду фонологической ориентации таблицы в ней не отражается различие типов лабиализации, например, денто-лабиальная артикуляция свистящих щелевых (см. Chirikba 2003: 19).

Сопоставительная таблица обозначений шумных согласных абхазского языка

Сопоставительная таблица обозначений шумных согласных абхазского языка (продолжение)

АБХАЗСКИЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ АЛФАВИТ Н.Я. МАРРА

Абхазский Аналитический Алфавит (21)

[Ономатопеи и звукоподражания]

Предисловие. Прежде всего должен предупредить читателей от мысли о том, что касающиеся сюжетов или предложений как-либо просят в дальнем Абхазии. Аналитик. Всегда стоя с таким просою в своем первоначальном качестве иль без использования опыта, накопленного вдохновения письма Г. А. Марра. Но обширный (но скромный) опыт этого языка и его обходных выражений, отнюдь не равный рассказу о том как писалось звуком, к письмоподражанию, потребуется для этого. Транскрипция включает в себя письменность, включая имена собственные, имена, и т.д.

Учредил новые научно-исследовательские письменности у Кавказских народов исключительное внимание Кавказским арабским, так называемый "Аналитический Алфавит", разработанный академиком Г. Я. Марром.

Кабинет Н. Я. Марра

Исключительное значение этой графической системы именно в состоящем в том, что здесь автором алфавита является крупнейший учёный, исходивший в выборе знаков из своей научной Транскрипционной системы (— "Арабидалийской Транскрипции"). И, пожалуй,

(**) Сокращенно буду обозначать ее через А.А. (Абхазский Аналитический Алфавит).

(***) Я не буду оспаривать на том, что "Арабидалийская Транскрипция" не является французской — в первом смысле этого слова — единственной (в противоположность другим универсальными Транскрипциям — напр. Несуджародному Французскому Алфавиту" и "Русской Гимновеснической — Азбуке"), а основывается, в извествной мере, на национальном французском языке, а на забытой, ошибкой предположениях, включая в себя письменность Арабидалийской Транскрипции.

Первая страница рукописи Е.Д. Поливанова

© Санкт-Петербургский филиал Российской академии наук: ф. 800, оп. 6, д. 395, л. 2

4. К изданию

4.1. В публикуемой рукописи различается три почерка. Большая часть написана чётким почерком (без наклона или с небольшим наклоном влево), текст которого перемежается фрагментами почерка Поливанова, а также частными исправлениями и добавками, сделанными его рукой (см. факсимile первой страницы рукописи – с. 215). Содержание этих исправлений позволяет заключить, что первый переписчик не имел специального лингвистического образования: он путает знаки приыхания и гортанной смычки в записи примеров (одна из таких ошибок – на л. 12 – осталась неисправленной Поливановым), не понимает некоторых терминов и сокращений – те в оставленное место вписаны Поливановым (“передняя часть языка (*arex*”, л. 14; “*op. cit.*”, л. 16), неуверенно изображает буквы арабского алфавита (л. 9) или пропускает их (л. 19). Можно предположить, что первый почерк принадлежит супруге Поливанова Бригитте Нирк, которая, как известно, переписывала его тексты перед публикацией (Ларцев 1988: 27-28). Образцы такого почерка встречаются и в коллекции рукописей Поливанова в фонде Р.О. Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (см. школьные тетради в папке 26 “[*Studie o japonském jazyce*]”). С л. 19 начинается третий почерк, скорее всего, являющийся более аккуратным вариантом почерка Поливанова⁴³ (в этой части рукописи практически нет дополнений и исправлений, этим почерком написано и имя автора в конце текста).

В настоящей публикации различие почерков не отражается: дан “итоговый” текст работы, а представляющиеся важными исправления и дополнения оговариваются в примечаниях издателей.

4.2. Некоторые исправления, сделанные Поливановым в тексте рукописи, свидетельствуют об укреплении его критического отношения к яфетической теории и даже об определённом раздражении против неё, ср.:

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ (ВЫЧЕРКНУТЫЙ) ВАРИАНТ	ИТОГОВЫЙ ВАРИАНТ
<p>л. 2-3 (см. также факсимile):</p> <p><Яфетидологическая транскрипция> основывается, в известной мере, и на некоторых историко-лингвистических предпосылках яфетической теории. Во всяком случае – это вполне строго и рационально разработанная (на основе</p>	<p><Яфетидологическая транскрипция> основывается, в известной мере, не на действительном физиологическом составе звуков языка, а на заведомо-ошибочных предпосылках, характерных для яфетической теории⁴⁴.</p>

⁴³ Ср. также с почерком рукописи *Краткой фонетики японского языка* Поливанова, предназначавшейся для стеклографирования, из фонда Якобсона в Праге (папки 14 и 25).

⁴⁴ Критические соображения о марровском алфавите Е.Д. Поливанов высказывает и в своём учебнике по *Введение в языкознание для востоковедных вузов* (Поливанов 1928: 177; см. выше, § 1.3).

своих предпосылок) научная система, теоретически пригодная к роли универсального (т. е. применимого к любому языку) алфавита. Насколько верны сами предпосылки, коренящиеся в особенностях яфетической теории, – это уже другой вопрос.

Л. 19:

Тут тоже можно найти минусы, и как показывают современные голоса абхазского учительства – минусы уже ими ощущимые.

Тут тоже можно найти минусы, и как показывают современные голоса абхазского учительства – минусы весьма зловредного характера.

4.3. Текст работы Поливанова публикуется в современной орфографии и пунктуации (не сохраняются написания “вариация”, “об’ективный”, “т.-е.”, “повидимому” и др.⁴⁵, без специальных оговорок исправлены явные описки, раскрыты сокращения), не используется дифференциация скобок, применявшаяся автором (фрагмент текста, находящегося в круглых скобках, заключался в квадратные скобки), поскольку в оригинале это не проведено последовательно, разнообразные подчёркивания с целью логического выделения текста унифицированно передаются курсивом.

В передаче транскрипционных символов сделано лишь одно отступление от оригинала: знак палатализации поставлен не над буквой (*ḡ*), а справа от неё (*g'*), как это обычно для знака лабиализации (*gʷ*). Технические пояснения Поливанова (вроде “Продолжение подстрочного примечания с 1-й страницы” и под.) не воспроизводятся.

Пагинация отражает архивную нумерацию листов и даётся мелким шрифтом внутри текста в угловых скобках. В угловые скобки также заключены другие пояснения технического характера. Комментарии к содержанию рукописи даются в виде концевых сносок (их номера в тексте, в отличие от постраничных сносок самого Поливанова, также заключены в угловые скобки).

⁴⁵ Сохранено лишь использовавшееся Поливановым написание “аинский”.

Е.Д. Поливанов

Абхазский аналитический алфавит

<л. 1>

В Комиссариат Народного Просвещения Абхазской ССР.

Прилагаемая рукопись моего доклада об Абхазском Аналитическом Алфавите не предназначается для печати. С другой стороны, она не рассчитана и на популярное изложение; поэтому я прошу смотреть на неё просто как на изложение моего мнения об ААА – в той форме, которая представилась мне возможной для мотивировки моих положений. В случае надобности я готов высказаться в другой, более общедоступной форме.

Пока же я счёл необходимым довести до Вашего сведения содержание сделанного мною в Москве доклада на вышеупомянутую тему.

В случае, если всё-таки почему-либо Вы сочтёте возможным напечатать этот мой доклад, я убедительно буду просить о посылке мне корректуры – по адресу Москва, Волхонка 18 Институт Языка и Литературы РАН-ИОН^{<1>}. Председателю Лингвистической Секции профессору Поливанову. Повторяю, что я – в случае надобности – готов буду направить Вам и другие мои работы по вопросу абхазской письменности.

XI 1927

С товарищеским приветом

Профессор Евгений Поливанов

Москва, Волхонка 18.

Институт Языка и Литературы РАН-ИОН.

<л. 1а – обложка тетради>

Абхазский Аналитический Алфавит

Е. Д. Поливанов

<штамп:> ГАИМК^{<2>} Кабинет Н. Я. Марра № Е395

E.D. Polivanov

The Abkhaz Analytical Alphabet

Translated by Grazia Giannetta

<f. 1>

To the People's Commissar of the SSR Abkhazia

The attached manuscript of my report on the Abkhaz Analytical Alphabet is not intended for publication. On the other hand, it is not aimed at a popular exposition for a general audience either; so I ask you to consider it as a mere statement of my opinion about the AAA in a way that seemed to me possible in order to motivate my position. If necessary, I am ready to explain it in a different and more accessible form.

In the meantime, I felt it necessary to bring to your attention the content of my report in Moscow on the above topic.

If, for any reason, you will consider it possible to print this report, I will urge you to send me the proofs at the following address: Moscow, Volkhonka 18, Institute of Language and Literature of the Russian Association of Scientific Research Institutes of the Social Sciences^{<1>}. To the chairman of the Department of Linguistics, Professor Polivanov. I repeat that, if necessary, I will be ready to send you my other works on the issue of the Abkhaz writing system as well.

XI 1927

With comradely greetings

Professor Evgenij Polivanov

Moscow, Volkhonka 18,

Institute of Language and Literature of the Russian Association of Scientific Research Institutes of the Social Sciences

<f. 1a – notebook cover>

The Abkhaz Analytical Alphabet

E. D. Polivanov

<stamp:> State Academy of the History of Material Culture^{<2>}, room of N.Ja. Marr № E395

<л. 2>

Абхазский Аналитический Алфавит (Опыт критического анализа)

Предисловие

Прежде всего должен предостеречь читателя от мысли о том, что настоящая статья вводит или предполагает какой-либо проект в замену Абхазского Аналитического Алфавита. Выступать с таким проектом я считаю методологически непозволительным без использования опыта, накопленного абхазскими педагогами. Те же обозначения (на основе МФА), которые мною даются для абхазских звуков, отнюдь не должны рассматриваться как предназначаемый к практическому употреблению алфавит: это – транскрипция исключительно для лингвистических работ.

I

Среди новых национальных письменностей у кавказских народов исключительное внимание вызывает абхазский, так называемый “Аналитический алфавит”, разработанный академиком Н.Я. Марром. Исключительное положение этой графической системы¹ именно и состоит в том, что здесь автором алфавита является крупнейший учёный, исходивший в выборе знаков из своей научной транскрипционной системы (– “яфетидологической транскрипции”²). И, пожалуй, <л. 3> во всей истории “зарождения и возрождения” национальных письменностей СССР (за время с 1917 г.) можно назвать только два случая, когда создатель практического национального алфавита исходил из теоретической системы фонетической транскрипции универсального характера³: это – во-первых, современное якутское письмо, или так называемая “Новгородовская транскрипция”, где автор (покойный С.А. Новгородов) имел в виду приложить к якутскому языку символы “Международного Фонетического Алфавита”⁴ (– конечно, путём отбора нужных для якутской звуковой системы знаков, а также с допущением некоторых технических <л. 4> упрощений и условностей); во вторых же именно данный (– новейший, принятый в 1925^{<4>} году) Абхазский Аналитический

¹ Сокращённо буду обозначать её через ААА (Абхазский Аналитический Алфавит).

² Я не буду останавливаться на том, что “яфетидологическая транскрипция” не является фонетической – в полном смысле этого слова – системой (в противоположность другим универсальным транскрипциям – напр. “Международному Фонетическому Алфавиту” и “Русской Лингвистической Азбуке”), а основывается, в известной мере, не на действительном физиологическом составе звуков языка, а на заведомо-ошибочных предпосылках, характерных для яфетической теории^{<3>}.

³ Каковой путь, собственно, должен считаться самым правильным с научной точки зрения приёмом языковой политики.

⁴ Сокращённо – МФА.

<f. 2>

The Abkhaz Analytical Alphabet: An Attempt at Critical Analysis

Introductory Note

First of all I have to warn the reader that the present article does not introduce nor implicate any project aimed at replacing the Abkhaz analytical alphabet. In my opinion it is methodologically inadmissible to present such a project without using the experience gained by Abkhaz pedagogues. As regards the symbols, based on the IPA, which I give here for the Abkhaz sounds, they are by no means to be considered as an alphabet intended for any practical use: it is a transcription for linguistic works only.

I

Among the new national writing systems of the Caucasian peoples, the so-called Abkhaz “analytical alphabet”, elaborated by the Academician N.Ja. Marr, arouses exclusive attention. The exceptional position of this graphic system¹ consists precisely in its author being a very prominent scholar, who based his choice of symbols on his own scientific transcription system (“Japhetidological transcription”)². And, perhaps, <f. 3> in the whole history of “birth and rebirth” of the national writing systems of the USSR (in the period after 1917), only two cases may be mentioned, in which the creator of a practical national alphabet started from a theoretical system of universal phonetic transcription³: the first one is the contemporary Yakut alphabet, or the so-called “Novgorodov transcription”, whose author (the late S.A. Novgorodov) meant to employ the symbols of the “International Phonetic Alphabet” for the Yakut language⁴ (of course, by choosing the signs required for the Yakut language system, but also by allowing a number of technical <f. 4> simplifications and conventions); the second one is the Abkhaz analytical

¹ I will refer to it as AAA (Abkhaz Analytical Alphabet).

² I will not linger on explaining how the “Japhetidological transcription” is not a phonetic system in the full sense of the word (contrary to other universal transcriptions, for example, the “International Phonetic Alphabet” or the “Russian Linguistic Alphabet”), but it is based, to some extent, not on the actual physiological properties of the sounds of the language, but on obviously-wrong assumptions, characteristic of the Japhetic Theory^{<>}.

³ This path must be considered essentially as the most appropriate, from the scientific point of view, in the practice of language policy.

⁴ Shortened in IPA.

Алфавит⁵, выросший (или выведенный академиком Н.Я. Марром) из его “яфетидологической транскрипции”.

Но кроме этой своей особенности (– в отличие от алфавитов “обывательского”, если так можно сказать, а не “академического” происхождения), абхазский графический вопрос может заслуживать особенного внимания уже благодаря исключительному фонетическому богатству абхазского языка (с которым в этом отношении не может сравняться ни один из других языков), – что делает задачу составления абхазского алфавита <л. 5> не в пример другим (даже другим кавказским) письменностям – весьма сложной и трудной.

Однако, перед критическим разбором ААА необходимо: 1) дать объективное описание ААА (т. е. перечень употребляемых в ААА букв) и 2) описать фонетическую систему языка – хотя бы в виде перечня различаемых в абхазском языке звукопредставлений⁶. Естественное всего начать, при этом, со второго вопроса, – т. е. с описания абхазской звуковой системы, к краткому изложению которой я сейчас и перехожу (во II главе).

Для обозначения абхазских фонем (в этом описании) я буду пользоваться, конечно, не ААА (так как нельзя определять неизвестное через неизвестное; ААА же является пока неизвестным: он будет описан в III главе), а МФА, которым я вообще всегда пользуюсь в моих лингвистических работах.

<л. 6>

II

Главную трудность абхазского языка составляет его консонантизм (система согласных): в то время как в большинстве других языков количество согласных фонем колеблется от 10 или 20 до 30-40 (например, немногим больше десятка согласных фонем имеется в аинском и в полинезийских языках, в узбекском – 22, в русском – 37⁶ согласных фонем), в абхазском литературном диалекте^{<7>} число это доходит до 56 (не считая не-слоговых гласных *ж* и *ү*). Однако литературный (абжуйский) диалект ещё не представляет максимального числа различий: в бзыбском диалекте имеется уже $56 + 9 = 65$ согласных.

Гласные, наоборот, не представляют затруднений: гласных фонем в основном слое абхазского языка всего 4: две слоговых и две не-слоговых гласных фонемы.

Ясно поэтому, что в вопросе оценки алфавита для нас важны будут почти исключительно согласные.

⁵ Описание и мотивировка Аналитического Алфавита дана самим Н.Я. Марром в брошюре «Абхазский Аналитический Алфавит» изд. 1926^{<5>}.

⁶ В моём, напр., индивидуальном произношении (с двумя проточными и двумя смычными “г”: в словах *бога*, *о боге*, *город*, *глур*, с тремя “л” — в *лампа*, *ла*, *лёд*, но без звука *ү*).

alphabet itself⁵ (the latest, approved in 1925^{<4>}), arisen (or extrapolated by N.Ja. Marr) from his “Japhetidological transcription”.

But beyond this peculiarity (in contrast to the alphabets of ‘simple’, if you can say so, not ‘academic’ origin), the Abkhaz graphic question may deserve closer attention precisely because of the exceptional phonetic richness of the Abkhaz language (to which no other language can be compared in this respect), making the creation of an Abkhazian alphabet *<f. 5>* imore difficult and complex if compared to other writing systems (even other Caucasian ones).

However, before starting the critical analysis of the AAA it is necessary to: 1) give an objective description of the AAA (i.e. a list of the letters used in the AAA) and 2) describe the phonetic system of the language, at least as a list of the sound representations^{<6>} which are differentiated in the Abkhaz language. At the same time, it is most natural to start from the second question, i.e. from the description of the Abkhazian sound system and I shall now come to a short presentation of it (in chapter II).

To represent the phonemes of Abkhaz (in this description), I will not use the AAA, of course (as it is not appropriate to define the unknown through the unknown and the AAA still is, so far, unknown: it will be described in chapter III), but the IPA, which I always use for my linguistic works.

<f. 6>

II

The main difficulty regarding the Abkhaz language is represented by its consonantism (its consonant system): while in the majority of languages the number of consonant phonemes ranges between 10 or 20 to 30-40 (for example the Ainu and the Polynesian languages have little more than ten consonant phonemes, Uzbek has 22 and Russian 37⁶), in the standard^{<7>}dialect of the Abkhaz language this number amounts to 56 (not counting the non-syllabic vowels *ɿ* and *ɯ*). However, the standard dialect (Abzhywa) still does not provide the largest number of distinctions: the Bzyb dialect has already $56 + 9 = 65$ consonants.

Vowels, on the contrary, do not raise any problem: in the base layer of the Abkhaz language there are only 4 vocalic phonemes: two syllabic and two non-syllabic vocalic phonemes.

This makes it clear that, for the evaluation of the alphabet, almost exclusively consonants will be relevant to us.

⁵ A description and motivation of the Analytical Alphabet is provided by N.Ja. Marr himself in the brochure “The Abkhaz Analytical Alphabet”^{<8>}.

⁶ For example, in my personal pronunciation (with two fricatives and two occlusives “g”: in the words *бога*, *о боге*, *город*, *глур*, with three “л” in the words *лампа*, *ла*, *лёд*, but without the sound *ɯ*).

Постараюсь изобразить согласные фонемы литературного (абжуйского) диалекта фонетической транскрипцией на основе МФА (с дополнениями, указанными профессором Л.В. Щербой в его статье “К вопросу о транскрипции” Изв. Отд. Рус. Яз. и Слов. Ак. Наук т. XVI 1911 г. кн. 4)^{<8>}.

<л. 7>

<Согласные абхазского языка в транскрипции на основе МФА>

	Смычные	Аффрикаты	Спиранты	Носовой	Латеральный	Дрожащий
<i>Губные</i>						
губные обычного типа	$p^2 b p'$		$f v$	m		
дорсально-губные	$\psi^2 \psi \psi'$		$\varphi \check{w}$			
<i>Переднеязычные</i>						
		$t^2 d t'$		n	l	r
свистящие		$c^2 \mathfrak{z} c'$		$s z$		
свистяще-лабиализованные		$c^{w2} \mathfrak{z}^w c^{w'}$				
шипящие “твёрдые”		$\check{c}^2 \check{\mathfrak{z}} \check{c}'$		$\check{s} \check{z}$		
шипящие “мягкие”		$\check{c}^{12} \check{\mathfrak{z}}' \check{c}''$		$\check{s}' \check{z}'$		
<i>Не-глубокие заднеязычные</i>						
	$k^2 g k'$					
палатализованные	$k'^2 g' k''$					
лабиализованные	$k^{w2} g^w k^{w'}$					
<i>Глубокие заднеязычные</i>						
	q^2		$x \mathfrak{z}$			
палатализованные	q'^2		$x' \mathfrak{z}'$			
лабиализованные	q^{w2}		$x^w \mathfrak{z}^w$			
<i>Гортанные</i>						
			(типа арабских $\mathfrak{z} = H$ и $\mathfrak{xi} = Q$)			
			H			
лабиализованный			H^w			
лабиализованный и палатализованный			Q^w			

I will try to represent the consonant phonemes of the standard dialect (Abzhywa) with a phonetic transcription based on IPA (with the additions showed by professor L.V. Ščerba in his article *On the Question of Transcription*, “Transactions of the Section of Russian Language and Literature of the Academy of Sciences”, XVI, 1911, 4)^{<8>}.

<f. 7>

<Abkhaz Consonants in IPA Transcription>

	Occlusive	Affricates	Spirant	Nasal	Lateral	Trill
Labial consonants						
Regular labial	$p^? b p'$		$f v$	m		
Dorsal-labial	$\psi^? \psi \psi'$		$\check{\varphi} \check{w}$			
Coronal consonants						
	$t^? d t'$			n	l	r
Hissing		$c^? z c'$	$s z$			
Labialized hissing		$c^{w?} z^w c^{w'}$				
“Hard” hushing		$\check{c}^? \check{z} \check{c}'$	$\check{s} \check{z}$			
“Soft” hushing		$\check{c}^{w?} \check{z}^w \check{c}''$	$\check{s}' \check{z}'$			
Velar consonants						
	$k^? g k'$					
Palatalised	$k'^? g' k''$					
Labialized	$k^{w?} g^w k^{w'}$					
Back velar consonants						
	$q^?$		$x \mathcal{z}$			
Palatalised	$q'^?$		$x' \mathcal{z}'$			
Labialized	$q^{w?}$		$x^w \mathcal{z}^w$			
Laryngal consonants						
			(Arabic type $\mathcal{Z} = H$ and $\mathcal{X} = Q$)			
			H			
Labialized			H^w			
Labialized and palatalized			Q^y			

<л. 8>

Знаками $p^2 b p'$ (как и соответственными рядами $t^2 d t'$, $c^2 z c'$ ... $k^2 g k'$ для других рядов смычных и аффрикат) обозначаю три вариации смычных (губных) по моменту гортанной <в рукописи ошибочно: губной> работы: 1) глухой смычно-гортанный или “гамзированный” (p^2), 2) звонкий (b), 3) глухой открыто-гортанный или придыхательный (p').

Знаками $\psi^2 \psi' \psi'$ обозначаю ряд губных смычных особого образования: смычка образуется не концами, а более глубокими частями губ; местом смычки являются, следовательно, те части губ, что и при так называемом “губном p ” (т. е. при звуке, передаваемом по-русски через “бррр...”; глухой его вариант мы имеем в русском “тпrrr...”). В этом смысле губные смычные данного ряда <л. 9> могут быть названы “дорсально-губными”. Различение трёх вариаций по моменту гортанной работы (глухой смычно-гортанный или “гамзированный” ψ^2 , звонкий ψ' , глухой открыто-гортанный или придыхательный ψ') – то же, что и в других рядах смычных и аффрикат. Исторически эти “дорсально-губные” восходят, по-видимому, к лабиализованным передне-язычным ($*t^{w2} *d^w *t^{w'}$): ср. напр. абх. *a-ψkən* “лавка <магазин>” ← перс. دوکان *<dūkān>*.

Латеральная фонема – типа “л” – обозначена мною знаком ℓ (т. е. “л” твёрдого, как в русском *лана*); это сделано потому, что в независимой позиции, как и в большинстве случаев вообще, этот согласный произносится в абхазском именно как “твёрдое” (вроде русского) ℓ , а не как среднее западно-европейского типа *l* (напр. в русском произношении названия музыкальной ноты *la^{<9>}*).

Символом *c* обозначается глухая свистящая аффриката – типа “ц” = $\underline{t}z$ а символом *z* соответствующая ей звонкая – $d\underline{z}$. Три вариации – $c^2 z c'$, – как и в прочих рядах смычных и аффрикат, представляют собою 1) глухое “гамзированное” (смычно-гортанное) *ц*, 2) звонкую аффрикату – $d\underline{z}$ и 3) придыхательное *ц*.

$c^{w2} z^w c^{w'}$ – соответствующие лабиализованные фонемы, т. е. звуки, приблизительно выражаемые в виде “цв”, “дзв”, “цв^w”. <л. 10>

ć и ڙ – символы для шипящих (глухой и звонкой) аффрикат: “ч” = $\underline{t}\check{z}$ и “дж” = $d\check{z}$.

ڙ и ڤ – шипящие спирантны: “ш” и “ж”. В абхазском языке, как мы видим, два ряда шипящих: “твёрдые” (апикальные) – ć? ڙ ڏ ڙ ڙ, и “мягкие” (дорсальные) – ڏ? ڙ ڏ ڙ ڙ.

Неглубокие заднеязычные по укладу языка соответствуют турецким ڙ ڙ, а глубокие заднеязычные (смычные: *q²* и т. д.) – турецкому ڦ. Значком ' обозначается палатализация (“смягчение”), следовательно *k²* звучит вроде русского *къ* (или *к* в *Кяхта*). А значком ^w – лабиализация (активная губная работа), поэтому *k^{w2}* и *q^{w2}* склонны восприниматься русским ухом как “ку”.

x означает заднеязычный (притом глубокий) глухой спирант – вроде рус. *х*, точнее вроде арабского или турецкого ڦ. А ڙ – соответствующий звонкий (арабск. или турецк. ڦ) ^{<10>}.

<f. 8>

With the symbols $p^2 b p'$ (as with the corresponding series for $t^2 d t'$, $c^2 3 c'$ ... $k^2 g k'$ for the other series of occlusives and affricates) I denote three variations of the occlusive (labial) according to the laryngeal <in the manuscript, erroneously, 'labial'> activity: 1) unvoiced with constricted glottis or "ejective" (hamza-onset) (p^2), 2) voiced (b), 3) unvoiced with spread glottis or aspirated (p').

With the symbols $\psi^2 \psi \psi'$ I denote the series of labial occlusives with a special articulation: the closure is formed not with the ends of the lips but with deeper parts of them; the closure takes place, consequently, in the same parts of the lips as in the case of the so-called "labial r " (in Russian the sound is "brrr..."; we have its unvoiced variant in Russian "tprrr..."). In this sense, the labial occlusives of the given series <f. 9> may be called "dorsal-labials". The distinction of the three different variations according to the laryngeal activity (unvoiced occlusive constricted glottis activity or "ejective" ψ^2 ; voiced ψ , unvoiced with spread glottis or aspirated ψ'), is the same as in the other series of occlusives and affricates. Historically, these "dorsal-labial" seem to go back to labialized coronals (* t^{w2} * d^w * t^w): compare e.g. Abkhaz *a-ψkən* 'shop' ← pers. ڈوکان <*dūkān*>.

I have denoted the lateral phoneme – of the type "λ" – with the symbol l (hard "λ" like the Russian *λана*); I did so because when in independent position, like in most general cases, this consonant is pronounced in Abkhaz exactly like the "hard" l (as in Russian), and not like the average West-European type l (for example the Russian pronunciation for the musical note *la*<¹⁰>).

The symbol c denotes the unvoiced hissing affricate of type "ц" = ts , while its voiced counterpart is represented by the symbol 3 = dz . The three variations $c^2 3 c'$, like in the other series of occlusives and affricates, represent 1) the unvoiced "ejective" (with constricted glottis) ψ , 2) the voiced affricate dz and 3) the aspirated ψ' .

The symbols $c^{w2} 3^w c^w$ are the corresponding labialized phonemes, namely sounds which can approximately be expressed as "цв", "ձվ", "ცվ^x". <f. 10>

č and չ are the symbols for the hushing (unvoiced and voiced) affricates: "չ" = $t\check{s}$ and "ՃԿ" = $d\check{z}$.

š and շ are the hushing spirants: "ш" and "ժ". In the Abkhaz language, as we can see, there are two series of spirants: "hard" (apical) ڦ ڻ ڦ ڻ and "soft" (dorsal) ڦ' ڻ' ڦ' ڻ'.

The non back velars correspond, according to the position of the tongue, to the Turkish ڦ ڻ, while the back velar (the occlusive q^2 and so on), to the Turkish ڦ. Palatalization (softening) is indicated by the symbol ', therefore k^2 sounds more like the Russian *κв* (or *κ* in the word *Къхма*). The sign ^w marks labialization (active labial effort), so k^{w2} and q^{w2} tend to be perceived by the Russian ear as "ky".

x denotes the unvoiced velar (moreover back velar) spirant, like the Russian *x*, more precisely like the Arabic and the Turkish ڦ. While ڢ is the corresponding voiced (Arabic or Turkish ڢ) <¹⁰>.

H – особого рода гортанный спирант, типа арабского ζ . *H^w* – то же с лабиализацией. *Q^u* (или, что то же, *Q^{w'}*) – составной звук: типа арабского ξ , но с добавлением и палатализации, и лабиализации.

III

Приведу теперь знаки AAA в точном соответствии порядку знаков (МФА) в только что рассмотренной таблице:

<Согласные абхазского языка в транскрипции на основе МФА>

	Смычные	Аффрикаты	Спиранты	Носовой	Латеральный	Дрожащий
<i>Губные</i>						
губные обычного типа	<i>p b φ</i>		<i>f v</i>	<i>m</i>		
дорсально-губные	<i>t^o d^o ḡ^o</i>		<i>u^o ɿ^o</i>			
<i>Переднеязычные</i>						
	<i>t d ḡ</i>			<i>n</i>	<i>l</i>	<i>r</i>
свистящие		<i>t d ḡ</i>		<i>s z</i>		
свистяще-лабиализованные		<i><t^o d^o ḡ^o></i>				
шипящие “твёрдые”		<i>ʈ ɖ ɳ</i>		<i>ʃ ʐ</i>		
шипящие “мягкие”		<i>t̪ d̪ ɳ̪</i>		<i>u̪ ɿ̪</i>		
<i>Не-глубокие заднеязычные</i>						
	<i>k g q</i>					
палатализованные	<i>k̪ g̪ q̪</i>					
лабиализованные	<i>k^o g^o q^o</i>					
<i>Глубокие заднеязычные</i>						
	<i>᷑</i>		<i>᷑᷑</i>			
палатализованные	<i>᷑</i>		<i>᷑᷑</i>			
лабиализованные	<i>᷑^o</i>		<i>᷑᷑^o</i>			
<i>Гортанные</i>						
			<i>᷑</i>			
лабиализованный			<i>᷑᷑</i>			
лабиализованный и палатализованный			<i>᷑᷑᷑᷑</i>			

H is a peculiar type of laryngal spirant, of the type of Arabic *ȝ*. *H^w* is the labialized one. *Q^y* (or also *Q^{w'}*) is a compound sound of the type of the Arabic *ȝ*, but with the addition of both palatalization and labialization.

III

I will now give the AAA symbols in the same order of the IPA symbols in the table examined so far:

	Occlusive	Affricates	Spirant	Nasal	Lateral	Trill
<i>Labial consonants</i>						
Regular labial	<i>p b φ</i>		<i>f v</i>	<i>m</i>		
Dorsal-labial	<i>t^o d^o ȝ^o</i>		<i>u^o ȝ^o</i>			
<i>Coronal consonants</i>						
	<i>t d ȝ</i>			<i>n</i>	<i>l</i>	<i>r</i>
Hissing		<i>t d̥ ȝ̥</i>		<i>s z</i>		
Labialized hissing		<i><t̥o d̥o ȝ̥o></i>				
“Hard” hushing		<i>t̥ d̥ ȝ̥</i>		<i>u uJ</i>		
“Soft” hushing		<i>t d̥ ȝ̥</i>		<i>u_q J</i>		
<i>Velar consonants</i>						
	<i>k g q</i>					
Palatalised	<i>k̥ g̥ q̥</i>					
Labialized	<i>k^o g^o q^o</i>					
<i>Back velar consonants</i>						
	<i>᷑</i>		<i>᷑᷑</i>			
Palatalised	<i>᷑</i>		<i>᷑᷑</i>			
Labialized	<i>᷑^o</i>		<i>᷑᷑^o</i>			
<i>Laryngal consonants</i>						
			<i>᷑</i>			
Labialized			<i>᷑᷑_o</i>			
Labialized and palatalized			<i>᷑᷑_o</i>			

<л. 12 (л. 11 содержит черновик таблицы знаков AAA, данной в конце л. 10)>

IV

В чём же можно видеть непоследовательность в AAA с чисто-теоретической (– пока), т. е. с фонетической точки зрения?

1) Если смотреть – в данном случае – на AAA, как на фонетическую и принципиальную систему, имеющую задачей (подобно МФА) изобразить анализ каждой фонемы, а не как на практическое письмо, то неправильным будет употребление простых букв *p t k* для *p² t² k²* <в рукописи ошибочно: *p' t' k'*> т. е. глухих смычных с соуп *de glotte* (или с “надгортанной экспирацией” по Н.Ф. Яковлеву)^{<11>}. Ведь это – простые (– “стержневые”) звуки, только с кавказской и в частности с грузинской (присущей, естественно, Марру), но не с обще-фонетической точки зрения. Конечно, с точки зрения практической задачи постараться обойтись без лишнего значка для обозначения соуп *de glotte* (² в МФА) и было бы выгоднее, но мы ведь условились рассматривать здесь AAA именно как образец фонетической транскрипции, т. е. как научную систему. <л. 13>

Приняв же – так или иначе – простые буквы *p t k* для *p² t² k²* (МФА), мы тотчас наталкиваемся на непоследовательность в выборе букв для соответствующих им “придыхательных” (– “глухих с подгортанной <в рукописи ошибочно: надгортанной> экспирацией” по Н. Ф. Яковлеву): *φ θ q*.

В первых двух рядах (губном и передне-язычном) взяты греческие буквы, а следовательно, аналогия требовала бы и в третьем ряду (для *k'* (МФА)) взять греч. *χ* (“хи”)⁷.

Вместо этого мы находим здесь абсолютно необоснованную и никчёмную *латинскую* букву *q* (для *k'* (в МФА)), что в корне путает традиционные ассоциации, связываемые с этой буквой (думаю, что ни у одного человека, не подготовленного предварительно к этому Марровскому значению *q* – буква эта (*q*) не вызовет представле-

Это же простирается на все осложнения буквы *q* (т. е. на выражения всех не-глубоко- и глубоко-заднеязычных – придыхательных: *q q^o q̄ q̄ q̄* (= *k'' k^{w'} x x' x^w* в МФА)).

2) <в рукописи ошибочно: 3> Изумляет употребление фигур *t d θ* в качестве основных частей букв *t^o d^o θ^o* (= *ψ² ψ̄ ψ'*)⁸ так как символы *t d θ* принято ассоциировать с идеей передне-язычных смычных (а следовательно, *t^o d^o θ^o* естественно хочется расшифровать как “лабиализованные” *t d t'*). Между тем в звуках *ψ² ψ̄ ψ'*

⁷ Древне-греческое значение которого (– *k'* (в МФА)) столь же оправдывает употребление *χ* для абх. (resp. груз.) *k'* (МФА), как и *φ* – для *p'* (МФА), *θ* – для *t'* (МФА).

⁸ <текст сноски отсутствует>.

<f. 12 (f. 11 contains a draft of the table with the AAA signs, given at the end of f. 10)>

IV

In what can we see the incoherence of AAA from a purely theoretical (for the moment), namely phonetic, point of view?

1) In this case, if we consider the AAA as a phonetic and principled system, aiming (like the IPA) at representing the analysis of each phoneme, and not as a practical writing system, then the use of the simple letters *p t k* in order to represent the sound *p[?] t[?] k[?]* <in the manuscript, erroneously, *p' t' k'*>, that is the unvoiced occlusives with a glottal stop (or with a “supraglottal expiration” according to N.F. Jakovlev^{<11>}), will be improper. In fact, these are simple (“fundamental”) sounds only with regard to the Caucasian languages and particularly Georgian (natural to Marr, of course), but not from the point of view of general phonetics. Of course, from the point of view of a practical task, trying to do without any unnecessary sign to mark the glottal stop ([?] in IPA) would be more convenient, but here we agreed to consider the AAA exactly as a sample of phonetic transcription, namely as a scientific system.<f. 13>

Having accepted, either way, the simple letters *p t k* for *p[?] t[?] k[?]* (IPA), we come across an incoherence in the choice of letters for their corresponding “aspirated” (“unvoiced with subglottal <in the manuscript, erroneously, supraglottal> expiration” according to N.F. Jakovlev): *φ θ χ*.

In the first two series (labial and coronal) Greek letters have been taken, and, consequently, analogy would have required to take the Greek letter *χ* (“*χι*”)⁷ for the third series too (for *k'* of the IPA).

Instead of this we find here the completely odd and useless *Latin* letter *q* (for *k'* in IPA), which basically confuses the traditional associations linked to this letter (I think that for no one who is not preliminarily prepared for Marr's meaning of the letter *q* this letter *q* would inspire some notion <f. 14> of aspiration (“unvoiced with epiglottis expiration”), moreover not back-velar).

This extends to all the complications of the letter *q* (namely to the graphic representation of every non-back-velar and back-velar aspirated consonants: *q q̥ q̥ q̥* (= *k'' kʷ' x xʷ* in IPA)).

2) <in the manuscript erroneously written 3> The use of the figures *t d θ* as basic parts of the letters *t^o d^o θ^o* (= *ψ[?] ψ̥ ψ̥*)⁸, is surprising, as the symbols *t d θ* are usually associated with the idea of coronal occlusives (and subsequently, of course, *t^o d^o θ^o* tend to be interpreted as “labialized” *t d t'*). In the meantime, in the sounds *ψ[?] ψ̥ ψ̥* the anterior part of the

⁷ Similarly its Ancient Greek meaning (– *k'* in IPA) justifies the use of *χ* for Abkhaz (resp. Georgian) *k'* (IPA), as well as *φ* for *p'* (IPA) and *θ* for *t'* (IPA).

⁸ <no text>.

передняя часть языка (*apex*) не участвует вовсе (сравни у Чочуа: Самоучитель русского, абхазского и грузинского языков, Сухум 1926 г.¹²: стр. 6: по поводу *ɸ* (AAA): “произ-*<л. 15>*нести в губах”; стр. 8: по поводу *ɸ* (AAA): “произнести в слабо сжатых губах, *без участия других органов рта* (курсив мой. Е.П.); *ibidem*, по поводу *t̪* (AAA): “произнести в сильно сжатых губах”⁹).

То же следует сказать по поводу губных спирантов (– особых вариаций) *ɸ* *व* (МФА), обозначаемых Марром как “лабиализованные переднеязычные” *uṛ j̪* (AAA).

3) Чёрточка _ под буквой в *ʈ ɖ ɳ*¹³ употреблена Н.Я. Марром очевидно в результате неправильной трактовки *č̪ ڏ ڏ* – в отличие от *č̪' ڏ' ڏ'* (где, по наблюдениям Н.Ф. Яковлева и моему (над произношением тт. Кобахия и Богапша) отличие этих последних, т. е. *č̪' ڏ' ڏ'* (= *ʈ ɖ ɳ* в AAA) от *č̪ ڏ ڏ* (= *ʈ ɖ ɳ* в AAA) – не в моменте *<л. 16>* интенсивности (– геминации, которую Н.Я. Марр и уславливается¹⁰ обозначать подстрочной чёрточкой _), а в том, что мы условно привыкли называть “мягкостью” согласного (или “палатальностью”, “дорсальностью”, “среднеязычностью”¹¹)¹⁵).

4) Наиболее существенным недостатком AAA (и Яфетиологической транскрипции вообще) является употребление надстрочной точки · в *k̪ q̪* (– для глубоко-заднеязычных *q̪ x* (МФА)). Ведь по трактовке Марра · над буквой (как напр. в *i̪ ɿ̪ c̪ ɿ̪*) означает определённый сорт *аффрикат* (– в ряду переднеязычных, – свистящие аффрикаты). *<л. 17>* Но что же общего с аффрикатами¹² в *k̪ q̪* (AAA) = *q̪ x* (МФА)? Очевидно, Марр совершенно упускает разницу между *k* и *k̪* (AAA), т. е. между *k²* и *q²* (МФА) *по месту образования* (в первом случае – *не-глубокий*, во втором – *глубокий* заднеязычный ряд), заменяя её *метафизическим* (– для данного случая) понятием аффрикатности.

Если на этот счёт есть какие-нибудь мотивы историко-фонетического характера (напр. корреспонденции типа: *x¹⁶* || *tʂ* (МФА) = *q̪ || i̪* (AAA) между двумя языка-ми¹³), то в *фонетической* транскрипции, строимой *<л. 18>* на анализе фонетических артикуляций, а не из этиологических соображений, им нет места.

⁹ <текст сноски отсутствует>.

¹⁰ <текст сноски отсутствует>¹⁴.

¹¹ <текст сноски отсутствует>.

¹² <текст сноски отсутствует; в рукописи, по-видимому, произошёл сбой в ссылке на подстрочное примечание: текста, который относился бы к этому месту, обозначенному одной звёздочкой, в подстрочном примечании нет, а имеющееся подстрочное примечание относится к месту, обозначенному в тексте двумя звёздочками – см. следующую авторскую сноsku>.

¹³ Напр. между грузинским и семитическими (в виде груз. *ts* || семитич. *χ*) – см. “Предварительное сообщение о родстве...” (перепечатано в сборнике “По этапам развития яфетической теории” Н.Я. Марра)¹⁷.

tongue (*apex*) does not participate at all (see Chochua's *Teach yourself Russian, Abkhaz and Georgian*, Suchumi 1926¹², p. 6, about *d* (AAA): "pronounce *<f. 15>* on the lips"; page 8, about *θ* (AAA): "pronounce with a weak compression of the lips, *without participation of other organs of the mouth* (my italics, E.P.); ibidem, about *t* (AAA): "pronounce with a strong compression of the lips"⁹).

The same thing must be said about labial spirants (particular variations) too *ɸ ɿ* (IPA), denoted by Marr as "labialized coronal consonants": *w p* (AAA).

3) The dash _ under the letters *t d ɿ q* ¹³ is used by N.Ja. Marr evidently as a consequence of his wrong interpretation of *č' ɿ' č'* in contrast to *č'' ɿ' č''* (where, as observed by N.F. Jakovlev and by me [upon the pronunciation of the comrades Kobachija and Bogaps] the difference between *č'' ɿ' č''* (= *t d ɿ q* in AAA) and *č' ɿ' č'* (= *t d ɿ q* в AAA) does not lie in the moment *<f. 16>* of intensity (the gemination which Marr establishes¹⁰ to mark with a sublinear dash _), but in what we are accustomed to call "softness" of the consonant (or "palatal, dorsal character", "middle tongue"¹¹))¹⁵.

4) The most significant shortcoming of the AAA (and in general of the Japhetidological transcription) is the use of the supralinear dot · in *k q* (for the back velar *q' x* of the IPA). In fact, according to Marr's interpretation the dot above the letters (like in the case of *t ɿ = c' c'*) marks a certain kind of *affricate* (in the series of the coronal, hissing affricates). *<f. 17>* But what do *k q* (AAA) = *q' x* (IPA) have in common with affricates¹²? Apparently, Marr completely overlooked the difference between *k* and *k'* (AAA), namely between *k'* and *q'* (IPA) depending on the *place of articulation* (*not back velar series in the first case, back velar in the second*), and replaced it with a *metaphysical* (in this case) notion of affricate.

If, in this regard, there are some reasons of historic-phonetic nature (for example, the correspondence as *x¹⁶ || ts* (IPA) = *q' || t* (AAA) between two languages¹³), there is no place for them in a *phonetic* transcription, built *<f. 18>* on the analysis of the phonetic articulation, and not on etymological considerations.

⁹ <no text>.

¹⁰ <no text>¹⁴.

¹¹ <no text>.

¹² <no text. In the manuscript a failure occurred in the reference to the footnote: the footnote text does not correspond to the passage marked with one asterisk; it refers to the passage marked in the text with two asterisks – see the next footnote>.

¹³ For example, between Georgian and Semitic (like the Georgian *ts* and the Semitic *χ*), see "A preliminary report on the kinship of Georgian with the Semitic languages" (I copy from N.Ja. Marr's compendium *Along the Stages of Development of the Japhetic Theory*¹⁷).

И, наконец, как допустить употребление одного и того же диакритического знака – над буквой и в $\ddot{k}$ (ААА) = q^2 (МФА), т. е. в смычном, и в $\dot{q}$ (ААА) = x (МФА), т. е. в спиранте?

Тут уже нанизывается одна путаница на другую, и в результате читателю, подходящему к ААА с лингвистическими (фонетическими) запросами, буквально ничего нельзя уяснить себе ни из этой транскрипции, ни из сообщённых Марром объяснений (оп. cit.)^{<18>} – относительно характера звуков, изображённых в виде $\ddot{k}$ $\dot{q}$ (ААА).

Сказанное распространяется, конечно, и на регулярные осложнения этих символов: $\ddot{k}$, $\dot{q}$, $\ddot{k}^o$ $\dot{q}^o$ <л. 19>.

5) Подобная же непоследовательность в употреблении $\acute{g}$ в составе $\acute{g}$ – для звонкого глубоко-заднеязычного спиранта ($\acute{z}$ ^{<19>} в МФА = арабско-турецкое $\acute{\xi}$).

Этот значок (‘) опять-таки в ряду переднеязычных обозначает звонкую аффрикату (и – благодаря надстрочности именно свистящую, т. е. $\acute{d} = z$ (dz) в МФА). Но где же аффрикатность в $\acute{z}$ ($\acute{\xi}$)?

Перейдём теперь к другой точке зрения – практической. Насколько хорош ААА в смысле удобства графического и полиграфического использования.

Тут тоже можно найти минусы, и как показывают современные голоса абхазского учительства – минусы весьма зловредного характера.

Ограничусь сначала двумя частными пунктами:

1) Если употребление точек · и . в ряду переднеязычных (для звуков типа $\acute{u}$ и $\acute{u}$) может быть оправдано теоретически, как своеобразный аналитический приём, то технически – это приём убийствен-[<л. 20>](#)ный (комментарии, думаю, излишни: зачем в практическом письме запутывать так дело, когда можно для звуков данных типов найти особые буквы?)

2) Если теоретически перечёркивание буквы h , в $\ddot{h}$ (= H в МФА = арабское $\acute{ح}$) и правильно, то практически эта чёрточка совсем излишняя, покуда в абхазском языке не нашлось другого – простого h (арабское $\acute{ه}$). И если, как я говорил выше, возможно и даже хорошо – из практических соображений – не употреблять диакритического знака в $p\ t\ k$ (ААА) = $p^2\ t^2\ k^2$ (МФА), то тут (в букве $\ddot{h}$) мы сталкиваемся как раз с обратным: с ненужной для практического письма научностью. Ещё более бросается в глаза это нежелание считаться с интересами школы и практики в том, что в ААА вводится замечательная по своей трудности буква $\acute{w}$ (для Q^u (МФА)) – в то время как простая буква w остается неиспользованной. Можно подумать, что Н.Я. Марр сознательноставил в число своих задач не простоту, а наоборот – сложность букв своего алфавита. [<л. 21>](#)

Наконец, укажу на главный недостаток ААА-та, как предназначенного для практической роли письма: одна и та же основная фигура (напр. t , d , ϑ , k , g , q) входит в начертание весьма солидного числа букв. Таким образом фигура “ t ” (или “ T ”)

And, finally, how can we admit the use of the same diacritical sign – supralinear ' for both the occlusive *k* (AAA) = *q*? (IPA) and the spirant *q* (AAA) = *x* (IPA)?

Here the errors accumulate one after another and, as a result, a reader who approaches the AAA with linguistic (phonetic) requests, can understand literally nothing from this transcription nor from Marr's explanatory reports (*op. cit.*) regarding the nature of the sounds represented as *k* and *q* (AAA).

What has been said applies, of course, to the regular complications of these symbols too: *k q k° q°* *<f. 19>*.

5) A similar incoherence is seen in the use of ' in *g* for the voiced back-velar spirant (*ʒ*¹⁸ in IPA = Arabic/Turkish *ȝ*).

Again, this sign (') in the series of the coronal consonants means a voiced affricate (and, due to the supralinear character, the hissing, namely *d* = *z* (*dz*) in IPA). But where is the affrication in *ʒ* (*ȝ*)?

Now let us move to the other point of view: the practical one. How good AAA is with respect to its commodity in graphic and polygraphic use.

Certain shortcomings can be found here too and, as contemporary comments by the Abkhazian teaching staff show, they are of a very negative nature.

I will limit myself firstly to two particular points:

1) Even if the use of the supralinear ' and sublinear . dots in the series of the coronal consonants (for sounds of the type *u* and *u*) can be justified theoretically, as a peculiar analytical method, still this method is technically deleterious *<f. 20>* (I think that comments are unnecessary: why complicate things in practical writing when special letters can be found for these types of sounds?).

2) If the stroke on the letter *h* in *ħ* (= *H* in IPA = Arabic *ڇ*) is theoretically correct, practically this stroke is unnecessary, since in Abkhaz no other simple *h* can be found (Arabic *ه*). And if, as I said before, it is possible and even positive – from practical considerations – not to use the diacritical sign in *p t k* (AAA) = *p° t° k°* (IPA), there again (in the letter *ħ*) we meet the opposite: a scientific character which is unnecessary for a practical writing system. Even more evidently appears the unwillingness to take into account the interests of the school and of practical usage in the fact that in the AAA the exceptionally difficult letter *w* (for *Q^u* (in IPA)) has been introduced, while the simple letter *w* remains unused. One may think that N.Ja. Marr deliberately established, among his goals, not the simplicity but the complexity of the letters of his alphabet *<f. 21>*.

Lastly, I will show a large inadequacy of the AAA, as a writing system destined for a practical use: the same basic form (for example *t*, *d*, *g*, *k*, *g*, *q*) recurs in the typeface of a very great number of letters. Therefore, the figure "t" (or "T") is repeated through the al-

повторяется в составе алфавита 6 раз: *t t̄i t̄ī t̄ī̄*. Равным образом по 6 раз повторяются и фигуры “d” (“D”), “g” (“G”), “k” (“K”), “g” (“G”), “q” (“Q”). Различие же между шестью буквами, содержащими одну и ту же фигуру (напр. между буквами *đ đđ đđđ đđđđ đđđđđ* или между *q qφ q̄ q̄φ*) виждется на диакритических значках, в большинстве случаев на точке (над или под буквой). Отсюда и вытекает и основное неудобство алфавита. Во-первых, эти точки чрезвычайно затрудняют пишущего и читающего – приходится беспрерывно отрывать перо от строки; во-вторых, точка над буквой *<л. 22>* и под буквой весьма легко могут быть восприняты как относящиеся не к той строке: таким образом, вместо *t* легко может быть прочитано *t* и т. п. (и такие случаи сплошь и рядом бывают, как мне сообщил т. Богапш). И в третьих – и это самое главное – эта система точек (и других значков, особенно *ˇ* и *˘*, *˙* и *˘*) запоминается с большим трудом и требует колоссальных усилий как со стороны учащегося, так и со стороны преподавателя. Достаточно указать, что кружок абхазского языка в Секции Родных Языков при Сталинском Коммунистическом Университете весь учебный год занят был прохождением ААА-та, и в результате студенты так и не усвоили его в нужной степени: после двухнедельной паузы в занятиях родным языком распределение точек оказы-*<л. 23>*вается снова позабытым и приходится повторять алфавит.

Конечно, в защиту этой системы точек можно было бы сказать то, что они выражают подлинный физиологический состав соответствующих фонем. Но этого-то и нет – ибо в виду вышеуказанных теоретических недоразумений (*‘t̄ī’* и *‘k̄q̄’* в связи с мнимыми “заднеязычными аффрикатами”, и т. д. и т. д.) анализ оказывается в корне ошибочным и таким образом ААА теряет своё значение *Аналитического Алфавита*. Этим отнимается всякая *raison d'être* системы точек: их, стало быть, приходится запоминать уже не сознательно – не исходя из каждого момента доступного анализа своего собственного произношения, – а механически. Например, буквы *t̄ k̄ q̄* (для “ц”, глубокого “к” и “х”) приходится брать на память без всякой взаимной связи между данными буквами (тогда как исходя из понятия аналитического алфавита, эту связь и должна была знаменовать точка над каждой из этих 3 букв). И тут для всякого будет понятным, что было бы гораздо выгоднее обойтись (для данных *<л. 24>* 3 звуков) без точек, взяв, например, три совершенно различных буквы; хотя бы с *q x*.

Итак ААА не выдерживает ни тех требований, какие могут быть предъявлены к теоретической системе фонетической транскрипции, ни, тем более – тех, которые школа и жизнь предъявляют к практическому письму.

Какой же вывод?

А вывод тот, что чем скорее будет ликвидирован этот опыт с ААА в Абхазии, тем лучше и для Абхазии, сделавшейся объектом данного яфетиологического эксперимента, и для других народностей, стоящих перед реформой своей письменности: ликвидация абхазского прецедента даст им возможность избежать опасных рецептов “яфетиологической транскрипции”.

Е. Поливанов

phabet six times: *t tɔ i t ɿ ɿ o*. Similarly, the figures “d” (“D”), “g” (“G”), “k” (“K”), “q” (“Q”) are repeated six times. The difference among the six letters containing the same figure (like between *g ɿ ɿ ɿ ɿ ɿ o* or *q q q ɿ ɿ ɿ o*) lies in their diacritical signs, in most cases a dot (above or under the letter). From this the main inconvenience of the alphabet is clear. Firstly, these dots make it extremely hard for the writer and the reader, because it is constantly necessary to lift the pen from the line; secondly, the dots above *<f. 22>* and under the letters can very easily be misinterpreted as not linked to the proper line: therefore, instead of *t* one may easily read *t* etc. (and these things happen all the time, as I was told by comrade Bogapš). And thirdly – and most importantly – this system of dots (and other symbols, especially *ˇ* and *˘*, *˙* and *˘*) is very hard to remember and requires a colossal effort from both students and teachers. Suffice it to say that the circle of the Abkhaz language of the Section of Mother Tongues at the Stalin Communist University for the whole academic year was involved in the learning of the AAA and, as a result, students did not reach the level required: it has turned out that, after a two week break from lessons, the distribution of dots is *<f. 23>* forgotten and the alphabet has to be repeated once again.

Of course, in defense of this system of dots one could say that they express the authentic physiological composition of the corresponding phonemes. But exactly this does not hold true – for in view of the above mentioned theoretical misunderstanding (the dot *˙* in *t* and *k ɿ* linked to the alleged “velar affricates” etc. etc.) – the analysis proves to be wrong at heart and thus the AAA loses its meaning of *analytical* alphabet. This deprives the dot system of every *raison d'être*: consequently, the dots have to be remembered no longer consciously – through the introspective analysis of one's own pronunciation, – but mechanically. For example, the letters *t k ɿ* (for “п”, back-velar “к” and “х”) must be learnt by heart without any mutual link between the given letters (while, from the concept of the analytical alphabet, this dot on each of these 3 letters was intended exactly to mark this link). And for everybody it would have been clearly more profitable to do without the dots (for these *<f. 24>* three sounds), taking, for example, three completely different letters; at least *c q x*.

So the AAA bears neither those requirements which may be imposed on a theoretical system of phonetic transcription, nor, especially, those which school or the everyday life may impose to a practical writing system.

What is the conclusion?

The conclusion is that the faster Abkhazia will rid itself of this experience with the AAA, the better it will be for both Abkhazia, being the object of this Japhetidological experiment, and for other nationalities facing the reform of their own writing system: the deletion of the Abkhaz precedent will give them the possibility to avoid the dangerous solutions of the “Japhetidological transcription”.

E. Polivanov

КОММЕНТАРИИ ИЗДАТЕЛЕЙ К ТЕКСТУ РУКОПИСИ

¹ Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук – Russian Association of Scientific Research Institutes of the Social Sciences (1926–1930). At this institution, whose Presidium included N.Ja. Marr himself, Polivanov was carrying out research work on “social dialects, language theory, and Marxist ideology” – and their triple impact on contemporary Russian (Smith 1998: 67).

² Государственная академия истории материальной культуры (see Ун35: 223–235), ныне – Институт истории материальной культуры РАН – The State Academy of the History of Material Culture, today’s Institute of the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (Kennedy Grimsted 2015: 499–504), was for many years headed by N.Ja. Marr (Сидорчук 2016).

³ See Поливанов 1928: 177 (English translation: Thomas 1957: ix).

⁴ While the *communis opinio* holds that the Abkhaz analytical alphabet lasted only two years, namely from 1926 to 1928, N.F. Jakovlev affirms that it was adopted already in 1924 and practically introduced in schools and the press one year later (Яковлев 1931: 49).

⁵ See Mapp 1926a.

⁶ In defining the phoneme as “sound image” Polivanov followed his teacher J. Baudouin de Courtenay: “Das Phonem = eine einheitliche, der phonetischen Welt angehörende Vorstellung, welche mittelst psychischer Verschmelzung der durch die Aussprache eines und desselben Lautes erhaltenen Eindrücke in der Seele entsteht = psychischer Aequivalent des Sprachlautes” (Baudouin de Courtenay 1895: 9; Russian translation Бодуэн де Куртенэ 1963: 271, English translation Baudouin de Courtenay 1972: 152). For more details see fn. 36 on p. 207.

⁷ The standard language is based on the Abzhywa dialect, whose consonant system is simpler than that of the Bzyb dialect.

⁸ See Щерба 1912.

⁹ On the third, middle phoneme *l* of the Western European type see also Поливанов 1931: 147–149 (= Поливанов 1968: 232–234; English translation: Polivanov 1974: 216–218).

¹⁰ The symbols ζ and x with this meaning are proposed by L.V. Ščerba (Шчерба 1912: 172), following Brugmann (*ibid.*: 170) and Sievers (*ibid.*: 178); now in the IPA the symbols χ and κ are used. However, according to the table of consonants in Polivanov's handbook (1928: 174) the symbol x denotes the non-back velar unvoiced spirant, while the back one is expressed by the symbol χ (see also the notes 16 and 19). For more details see § 3.3.

¹¹ See Поливанов 1928: 108.

¹² See Чочуа 1926; cfr. fn. 37 on p. 208.

¹³ The dot and the “angle”, according to Marr’s terminology (Mapp 1926a: 33), are in complementary distribution in the system of the Abkhaz Analytical Alphabet: the dot is used with voiceless consonants, the angle with voiced. As the phonological opposition voiced-voiceless is already distinguished by the basic characters, the use of both the dot and the angle does not make sense (Matthews 1953: 68). For more details see § 1.2.

¹⁴ See Mapp 1926a: 42-43.

¹⁵ After the semicolon the following text has been deleted with a pencil: “таким образом, *т ڏ ڻ* (= *ڏ ڙ ڻ* в МФА) противополагаются звукам *ٿ ڏ ڻ*” (“Thus, *ٿ ڏ ڻ* (= *ڏ ڙ ڻ* in IPA) contrast with the sounds *ٿ ڏ ڻ*”). Instead of the latter symbols the “soft” *ٿ ڏ ڻ* (= *ڏ ڙ ڻ* in IPA) should be used.

¹⁶ Here and at the end of the following paragraph the sign $\forall$ above the symbol x has been deleted by Polivanov (see notes 10 and 19; cfr. Поливанов 1925: 114–116).

¹⁷ See Mapp 1908: 2 (reprinted in Mapp 19266: 10 and Mapp 1933: 24), cfr. Франк-Каменецкий 1937: 172.

¹⁸ See Mapp 1926a: 43.

¹⁹ Here and at the end of the following paragraph Polivanov has deleted the symbol *κ*, replacing it with *ζ* (see notes 10 and 16).

Сокращения

ААА: Абхазский Аналитический Алфавит

МФА: Международный Фонетический Алфавит

AAA: Abkhaz Analytical Alphabet

IPA: International Phonetic Alphabet

АБС: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015.

ОЗ26: *Объяснительная записка к “Смете на работу экспедиции на Кавказ и в Закавказье, организуемой Яфетическим Институтом” на 1926-1927 гг., 27 ноября 1926 г.*, “Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований”, IX, 2013, 1, с. 165-166, ср. <https://alp.iling.spb.ru/static/alp_IX_1.pdf> (29.05.2017).

ПВ26: *Первый Всесоюзный тюркологический съезд 26 февраля-5 марта 1926 г. (Стенографический отчёт)*, Бакинский рабочий, Баку 1926.

ПQр: Е.Д. Поливанов, *Рецензия на книгу: Р.О. Якобсон. Кхарактеристике евразийского языкового союза. 1931*. Рукопись в фонде Р. Якобсона в Литературном архиве Музея национальной литературы в Праге (коробка 17/С/15, папка 21 – 11 тетрадей, более 130 ненумерованных листов).

ПП29: *Пятилетний план работы Института яфетиологических разысканий на 1929-1934 гг. от 6 марта 1929 г.*, Фонд 77, Op. 1 (1921-1929), Д. 34, Л. 27-29, “Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований”, IX, 2013, 1, с. 216-221, ср. <https://alp.iling.spb.ru/static/alp_IX_1.pdf> (29.05.2017).

СО1: *Стенографический отчёт Первого пленума Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Баку с 3 по 7 июня 1927 года*, Издание ВЦКНТА, Москва 1927.

СО2: *Стенографический отчёт Второго пленума Всесоюзного Центрального Комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Ташкенте от 7 по 12 января 1928 года*, Издание ВЦКНТА, Баку 1929.

СО3: *Стенографический отчёт Третьего пленума Всесоюзного центрального комитета нового тюркского алфавита, заседавшего в Казани от 18-го по 23-е декабря 1928 г.*, Издание ВЦКНТА, Москва 1929.

УН35: *Университеты и научные учреждения*, Наркомпрос РСФСР, 2-е издание, переработанное и дополненное, Объедин. науч.-техн. изд-во, Москва-Ленинград 1935.

УП36: *Уточнённый план работы Института на 1936 г.*, Архив Института Востоковедения РАН, Санкт-Петербург, ф. 152, оп. 1а, дело 348. Материалы об участии Института Востоковедения в работе по новому алфавиту, 15/II 1934 – 16/X 1936, с. 57.

НИ30: *Научно-исследовательский институт этнических и национальных культур народов Востока*, “Учёные записки. Институт этнических и национальных культур народов Востока, Российской ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук”, II, 1930, с. 233-263.

Литература

Абидзба 2015: В.Ш. Авидзба, *Хашба Мушни Лаврентьевич*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, М.-Сухум 2015, с. 695-696.

Алпатов 1988: В.М. Алпатов, *Изучение японского языка в России и СССР*, Наука, Москва 1988.

Алпатов 2012: В.М. Алпатов, *Языковеды, востоковеды, историки*, Языки славянских культур, Москва 2012.

Ахвlediani 1926: გ. ახვლედიანი, მასალები აფხაზურ ბგერათა ფიზიოლოგიისათვის, “მიმომხილველი. საქართველოს საისტორიო და საეთნოგრაფიო საზოგადოების მრგაბო” / “Обозреватель. Орган Историко-этнографического Общества Грузии” / “L’observateur. Journal scientifique de la Société d’Histoire et d’Ethnographie de Géorgie”, I, 1926, с. 195-197.

Ахвlediani 1937: ფონბეტივური ლიტერატურის ანთერებული ბიბლიოგრაფია. I. ქართველური ენები, გ.ს. ახვლედიანის რედაქციით / *Аннотированная библиография фонетической литературы. I. Картвельские языки*, под ред. Г.С. Ахвlediani, სსსრ მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის გამომცემლობა, ტფილისი 1937 / Издательство Грузинского Филиала Академии Наук СССР, Тбилиси 1937 [на грузинском и русском языках].

Ахвlediani 1938: გ. ახვლედიანი, ზოგადი და ქართული ენის ფონბეტივის საკითხები, სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, თბილისი 1938.

Ахвледиани 1940:	Г.С. Ахвледиани, <i>Звуковые возможности кавказских языков. I. Принципы классификации согласных абхазского языка</i> , “სსრკ მეცნიერებათა აკადემიის საქართველოს ფილიალის მთავარი” / “Сообщения грузинского филиала Академии Наук ССР” / “Mitteilungen der georgischen Akademie der Wissenschaften der USSR”, I, 1940, I, с. 87-92.
Ахвледиани 1949:	გ. ახვლედიანი, ზოგადი ფონეტიკის საფუძვლები, სტალინის სახელობის თბილისის სახელმწიფო უნივერსიტეტის გამომცემლობა, თბილისი 1949 (Репринт სულხან-საბა თრგულიანის სახელობის თბილისის სახელმწიფო პედაგოგიური უნივერსიტეტის გამომცემლობა, თბილისი 1999).
Бгажба 1958:	Х.С. Бгажба. <i>Абхазский институт к 40-летию Октября</i> , “Труды Абхазского института языка, литературы и истории”, XXIX, 1958, с. 3-6, ср. < http://apsnyteka.org/1295-bgazhba_kh_stati.html#2 > (01.06.2017).
Бгажба 1961:	Х.С. Бгажба, <i>К истории Абхазского института</i> , “Труды Абхазского института ЯЛИ им. Д.И. Гули”, XXXII, 1961, с. 197-204, ср. < http://apsnyteka.org/1295-bgazhba_kh_stati.html#3 > (01.06.2017).
Бгажба 1964:	Х.С. Бгажба, <i>Бзыбский диалект абхазского языка</i> , Издательство Академии Наук Грузинской ССР, Тбилиси 1964, ср. < http://apsnyteka.org/1478-bgazhba_kh_bzybsky_dialekt_abkhazskogo_jazyka_1964.html > (29.05.2017) (третье издание, переработанное, Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д.И. Гули, Сухум 2006).
Бгажба 1967:	Х.С. Бгажба, <i>Из истории письменности в Абхазии</i> , Мецниереба, Тбилиси 1967, ср. < http://apsnyteka.org/318-bgajba_h_iz_istorii_abkhazskoi_pismennosti.html > (29.05.2017).
Бигуаа 2015а:	В.А. Бигуаа, <i>Гюлиа Дмитрий Иосифович</i> , в: <i>Абхазский биографический словарь</i> , под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 255-257.
Бигуаа 2015б:	В.А. Бигуаа, <i>Чанба Самсон Яковлевич</i> , в: <i>Абхазский биографический словарь</i> , под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 739-740.
Бодуэн де Куртенэ 1963:	И.А. Бодуэн де Куртенэ, <i>Опыт теории фонетических альтернаций. Глава из психофонетики</i> , в: Он же, <i>Избранные труды по общему языкоznанию</i> , I, Издательство Академии Наук ССР, Москва 1963, с. 265-347 (русский перевод немецкого оригинала, см. Baudouin de Courtenay 1895).

Волкова, Сергеева 1999: Н.Г. Волкова, Г.А. Сергеева, *Трагические страницы кавказоведения: А.Н. Генко*, в: Д.Д. Тумаркин (сост. и отв. ред.), *Репрессированные этнографы*, I, Восточная литература, Москва 1999, с. 101-134, ср. <<http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/ethnography/1/101-133.pdf>> (29.05.2017).

Габуниа 2011: З.М. Габуниа, *Русская лингвистическая наука в становлении и развитии кавказского языкознания (на материале западнокавказских языков)*, ИПО СОИГСИ, Владикавказ 2011.

Габуниа, Гусман Тирадо 2007: З.М. Габуниа, Р. Гусман Тирадо, *История российского языкознания XX века*, Кабардино-Балкарский университет, Нальчик 2007.

Генко 1928: А.Н. Генко, *Абхазский вокализм*, “Известия Академии Наук СССР. Серия VII – Отделение гуманитарных наук” / “Bulletin de l’Académie des Sciences de l’URSS, Classe des Sciences Historico-Philologiques”, 1928, I, с. 45-54.

Генко 1998: А.Н. Генко (сост.), *Абхазско-русский словарь*, подготовил к печати, снабдил предисловием и комментариями Т.Х. Халбад, Алашара, Сухум 1998, ср. <http://apsnyteka.org/file/Genko_Abhazsko-russkiy_slovar_1998.pdf> (18.07.2017).

Гранде 1936: Б.М. Гранде, *Аналитический алфавит Н.Я. Марра и проблема научной транскрипции для нового алфавита*, в: Всесоюзный центральный комитет нового алфавита Н.Я. Марру. *Сборник статей*, Издательство “Власть советов” при Президиуме ВЦИК, Москва 1936, с. 43-65, ср. <http://xn--9oax2c.xn--prai/catalog/000202_000006_2561086/viewer/> (17.07.2017).

Иванов 1957: В.В. Иванов, *Лингвистические взгляды Е.Д. Поливанова*, “Вопросы языкознания”, 1957, 3, с. 55-76, ср. <<http://www.ruslang.ru/doc/voprosy/voprosy1957-3.pdf>> (17.05.2017).

Ионов 1917: *Saqluu: suruk bicik*. Якутский букварь, составлен В.М. Ионовым, изменён и дополнен С.А. Новгородовым при ближайшем участии Н. Афанасьева, Областная типография, Якутск 1917, ср. <<https://vivaldi.nlr.ru/bx000022477/viewer>> (28.07.2017).

Исаева 2011: Л.М. Исаева, *Из истории письменности на Кавказе: языковая политика СССР 1920-1930 гг.*, “Здороbо”, XXIII, 2011, с. 147-185, ср. <<http://www.caucasology.com/amirani23/luiiza.pdf>> (29.05.2017).

Каганович 2011: Б. Каганович, *Андре Жид и Фёдор Розенберг. История дружбы*, “Вопросы литературы”, 2011, 4, с. 423-479, ср. <<http://magazines.russ.ru/voplit/2011/4/ka21-pr.html>> (18.07.2017).

Климов 1962: Г.А. Климов, *О проекте единой фонетической транскрипции для кавказских языков*, Академия Наук СССР, Институт языкоznания, Москва-Ленинград 1962.

Клычев, Чкадуа 1998: Р.Н. Клычев, Л.П. Чкадуа, *Абхазский язык*, в: М.Е. Алексеев (отв. ред.), *Языки мира: Кавказские языки*, Academia, Москва 1998, с. 113-131.

Концевич 1991а: Л.Р. Концевич, *Примечания к “Введение в языкознание для востоковедных вузов”*, в: Е.Д. Поливанов, *Избранные труды по восточному и общему языкознанию*, Наука, Москва 1991, с. 282-294.

Концевич 1991б: Л.Р. Концевич, *Послесловие (От составителя)*, в: Е.Д. Поливанов, *Избранные труды по восточному и общему языкознанию*, Наука, Москва 1991, с. 589-621.

Коркина, Дмитриев 1977: Е.И. Коркина, С.К. Дмитриев, *Первый якутский лингвист*, в: С.А. Новгородов, *Первые шаги якутской письменности. Статьи и письма*, Наука, Москва 1977, с. 5-17.

Коркина, Макаров 1991: Е.И. Коркина, Г.Г. Макаров, *Семён Андреевич Новгородов*, в: С.А. Новгородов, *Во имя просвещения родного народа. Сочинения, переписка, материалы*, Якутское книжное издательство, Якутск 1991, с. 5-16.

Куправа 2015: А.Э. Куправа, *Чобуа Андрей Максимович*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 772-773.

Ларцев 1988: В.Г. Ларцев, *Евгений Дмитриевич Поливанов. Страницы жизни и деятельности*, Наука, главная редакция восточной литературы, Москва 1988.

Леонтьев 1968: А.А. Леонтьев, *Список работ Е.Д. Поливанова*, в: Е.Д. Поливанов, *Статьи по общему языкознанию*, Главная редакция восточной литературы, Москва 1968, с. 31-45.

Марр 1899: Н.Я. Марр, *Сборники притч Вардана. Материалы для истории средневековой армянской литературы*, I. Исследование, Типография Императорской Академии Наук, Санктпетербург 1899.

Марр 1908: Н.Я. Марр, *Основные таблицы к грамматике древне-грузинского языка с предварительным сообщением о родстве грузинского языка с семитическими*, Типография Императорской Академии Наук, С.-Петербург 1908 [цитируемая глава *Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими* переиздана в: Марр 1926б: 8-30 и Марр 1933: 23-38].

Марр 1918: Н.Я. Марр, *О записывании абхазских текстов*, Типография Российской Академии Наук, [Петроград] 1918 (= Пособия для работ по яфетическому языкознанию, 1) [перепечатано в: Марр 1938: 150-164].

Марр 1925а: Н.[Я.] Марр, *Грамматика древнелитературного грузинского языка*, Издательство Российской Академии Наук, Ленинград 1925 (= Материалы по Яфетическому Языкоznанию, 12).

Марр 1925

Н.Я. Марр, *Основные достижения яфетической теории* (Доклад прочитанный на учредительном съезде Горской Краеведческой Ассоциации в г. Махач-Кала, Северо-Кавказское краевое партийное издательство “Вуревестник”, Ростов-Дон 1925 [перепечатано в: Марр 1926б: 246-277 и Марр 1933: 197-216].

Марр 1926а:

Н.Я. Марр, *Абхазский аналитический алфавит (к вопросу о реформах письма)*, ЦИК СССР, Ленинградский институт живых восточных языков имени А.С. Енукидзе, Ленинград 1926 (= Труды яфетического семинария, 12), спр. <<http://menadoc.bibliothek.uni-halle.de/id/221034>> (15.12.2016) [перепечатано в: Марр 1936: 320-351 и Марр 1938: 256-293].

Марр 1926б:

Н.Я. Марр, *По этапам развития яфетической теории. Сборник статей*, НИИ этнических и национальных культур народов Востока СССР, Москва-Ленинград 1926.

Марр 1926в:

Н.[Я.] Марр, *Абхазско-русский словарь. Пособие к лекциям и в исследовательской работе*, Издание Академии абхазского языка и литературы, Ленинград 1926.

Марр 1926г:

Н.Я. Марр, *О происхождении языка*, в: Он же, *По этапам развития яфетической теории. Сборник статей Н.Я. Марра*, Издание Научно-исследовательского института этнических и национальных культур народов Востока СССР, Москва-Ленинград 1926, с. 286-335 [на немецком языке Марр 1926. Перепечатано в: Марр 1936: 179-209].

Марр 1928

Н.Я. Марр, *Отчёт Н.Я. Марра по весенней (14 апреля-3 мая 1928 г.) командировке в Абхазию*, “Известия Академии Наук Союза Советских Социалистических Республик. VII серия. Отделение гуманитарных наук” / “Bulletin de l’Académie des Sciences de l’Union des Républiques Soviétiques Socialistes. VII série. Classe des humanités”, 1928, 8-10, с. 544-549 [перепечатано в: Марр 1938: 387-393].

Марр 1929а:

Н.Я. Марр, *Почему так трудно стать лингвистом-теоретиком*, в: Он же (под ред.), *Языковедение и материализм*, Прибой, Ленинград 1929, с. 1-56, спр. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/Marr29.html>> (17.07.2017).

Марр 1929б:

Н.Я. Марр, *Письмо Н.Я. Марра в КЭИ АН СССР о Балкаро-Карачаевской экспедиции 28 июня 1929 г.*, “Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований”, IX, 2013, 1, с. 234-235, спр. <https://alp.iling.spb.ru/static/alp_IX_1.pdf> (05.07.2017).

Марр 1933:

Н.Я. Марр, *Избранные работы, I. Этапы развития яфетической теории*, Издательство ГАИМК, Ленинград 1933.

Марр 1936: Н.Я. Марр, *Избранные работы*, II. *Основные вопросы языкоznания*, Государственное социально-экономическое издательство, [Ленинград] 1936.

Марр 1938: Н.Я. Марр, *О языке и истории абхазов*, Издательство Академии Наук СССР, Москва-Ленинград 1938 (= Труды института абхазской культуры имени акад. Н.Я. Марр, Академия Наук СССР, Грузинский филиал, 10), ср. <http://apsnyteka.org/2159-marr_n_o_iyazyke_i_istorii_abkhazov_1938.html> (24.08.2017).

Марр, Мегрелидзе 1984: Ю.Н. Марр, И.В. Мегрелидзе, *Пособие для авторов и наборщиков восточных шрифтов*, Мецниереба, Тбилиси 1984⁴ (1938¹).

Мегрелидзе 1985: И.В. Мегрелидзе, *Уистоков абхазоведения. Воспоминания и документы*, Алашара, Сухуми 1985, ср. <http://apsnyteka.org/file/megrelidze_i_u_istokov_abkhazovedenia.pdf> (29.05.2017).

Медвенский 2015: Н.И. Медвенский, *Мáрр Николай Яковлевич*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 502-503.

Мещанинов 1931: И.И. Мещанинов, *Пособие к пользованию яфетиологическими работами*, Государственная академия истории материальной культуры, Ленинград 1931.

Оранский 1972: И.М. Оранский, *Древнеиранская филология и иранское языкоzнание*, в: *Азиатский музей – Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР*, Наука, главная редакция восточной литературы, Москва 1972, с. 305-339, ср. <http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/14.%20spbiros_antica_iranica.pdf> (29.07.2017).

Поливанов 1925: Е.Д. Поливанов, *Краткая классификация грузинских согласных*, “Бюллетень среднеазиатского государственного университета”, VIII, 1925, с. 113-118.

Поливанов 1928: Е.Д. Поливанов, *Введение в языкоzнание для востоковедных вузов*, Издание Ленинградского Восточного Института имени А.С. Енукидзе, Ленинград 1928, ср. <<http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=44277985>> (15.05.2017).

Поливанов 1931: Е.Д. Поливанов, *За марксистское языкоzнание. Сборник популярных лингвистических статей*, Федерация, Москва 1931 (переиздание: СГПУ, Смоленск 2003).

Поливанов 1935-1937: Е.Д. Поливанов, *Толковый терминологический словарь по лингвистике*, в: Он же, *Избранные труды по восточному и общему языкоzнанию*, Наука, Москва 1991, с. 318-506.

Поливанов 1968: Е.Д. Поливанов, *Фонетика интеллигентского языка*, в: Он же, *Статьи по общему языкоznанию*, Главная редакция восточной литературы, Москва 1968, с. 225-235 [первоначально опубликовано в: Поливанов 1931: 139-151, ср. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/POLIVANOV31d/txt.html>> (27.04.2017)].

Розенберг 1923: Ф.А. Розенберг, *О показателях множественности в языках сегодняшней группы*, “Яфетический сборник”, II, 1923, с. 1-17.

Розенберг 1927: Ф.А. Розенберг, *Материалы по двадцатому счёту*, в: *Языковедческие проблемы по числительным. Сборник статей*, I, Издание института литературы и языков Запада и Востока при Ленинградском государственном университете, Ленинград 1927, с. 165-170.

Салакая 2006: Ш. Салакая, *Великий Марр как абхазовед*, в: Дж. Ахуба (сост.), *Уи атэыла ссир ақны. Астамиақәи ажәенраалақәи*, Апхәыншәкәтыжыр, Ақәа 2006 / В этой чудесной стране. *Статьи и стихи*, Абгосиздат, Сухум 2006, с. 53-70, ср. <http://apsnyteka.org/1385-V_etoj_chudesnoy_strane.html> (18.07.2017).

Саманба 2015: Л.Х. Саманба, *Құкба Виктор Иосифович*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 436.

Сидорчук 2016: И.В. Сидорчук, *Деятельность Н.Я. Марра на посту председателя Государственной Академии Истории Материальной Культуры (1919-1920, 1922-1934 гг.)*, “Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета, серия Гуманитарные и общественные науки”, 2016, 4 (255), с. 96-107, ср. <<http://elib.spbstu.ru/dl/2/j17-204.pdf/view>> (02.06.2017).

Сухотин 1932: А.М. Сухотин, *Спор об унификации алфавитов*, “Революция и письменность”, 1932, 1-2 (11-12), с. 95-103, ср. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/Suxotin32.html>> (29.05.2017).

Томеллери 2017: В.С. Томеллери, *Абхазский аналитический алфавит академика Н.Я. Марра. Эволюция, революция и языковое строительство, “Revue des études slaves”, LXXXVIII, 2017, 1-2 (1917 en Russie. La philologie à l'épreuve de la Révolution)*, с. 69-95.

Услар 1887: П.К. Услар, *Этнография Кавказа. Языкоzнание. Абхазский язык*, Типография канцелярии Главноначальствующего гражданскою частью на Кавказе, Тифлис 1887.

Франк-Каменецкий 1937: И.Г. Франк-Каменецкий, *Н.Я. Марр и изучение семитических языков*, “Язык и мышление”, VIII, 1937, с. 171-181, ср. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/Frank-Kameneckij37.html>> (18.07.2017).

Хашба 1936:

А.К. Хашба, *Академик Н.Я. Марр о языке и истории Абхазов*, под ред. И.И. Мещанинова, Издание ИАК АН СССР, Сухуми 1936 (= Труды института абхазской культуры им. акад. Н.Я. Марра, Академия Наук СССР – Грузинский филиал, 4), сп. <http://apsnyteka.org/file/khashba_a_k_akademik_marr_o_yazyke_i_istorii_abhazov_1936.pdf> (24.04.2017).

Хеция 2015:

А.Д. Хеция, *Хашба Арсений Константинович*, в: *Абхазский биографический словарь*, под ред. В.Ш. Авидзба, АБИГИ, Москва-Сухум 2015, с. 692.

Чикобава 2010:

ა. ჩიქობავა, “Н. Марр, *Грамматика древнелитературного грузинского языка*, Ленинград 1925. რეცეპტი”, в: ა. ჩიქობავა, მრომები, 1, არბოლებ ჩიქობავას სახელობის ენათმეცნიერის ინსტიტუტი, თბილისი, с. 128-168 (первоначально опубликовано в: “მიმომხილველი. საქართველოს საისტორიო და საეთნოგრაფიო საზოგადოების ორგანიზაცია” / “Обозреватель. Орган Историко-этнографического Общества Грузии” / “L’observateur. Journal scientifique de la Société d’Histoire et d’Ethnographie de Géorgie”, I, 1926, с. 285-330).

Чобан-Заде 1928:

Б. Чобан-Заде, *Итоги унификации алфавитов тюрко-татарских народов*, “Культура и письменность Востока”, III, 1928, с. 18-34.

Чочуа 1926:

А.М. Чочуа, *Самоучитель русского, абхазского и грузинского языков*, Сухум 1926¹ (1934² [переиздано в Чочуа 1969: 151-292]).

Чочуа 1969:

А.М. Чочуа, *Собрание сочинений в трёх томах*, II, Алашара, Сухум 1969, сп. <http://apsnyteka.org/1805-tchotchua_a_sobranie_sotchineny_tom_2_1969.html> (04.06.2017).

Щерба 1912:

Л.В. Щерба, *К вопросу о транскрипции* (Доклад, читанный в заседании лингвистической секции Спб. Неофилологического Общества 11 мая 1911 г.), “Известия отделения русского языка и словесности Академии Наук”, XVI, 1912, 4, с. 161-181, сп. <<http://dlib.rsl.ru/01003799484>> (23.12.2016).

Юшманов 1937:

Н.В. Юшманов, *Фонетические параллели африканских и яфетических языков*, в: *Africana. Труды группы африканских языков / Africana. Transactions of the section of African studies*, Издательство Академии Наук СССР, Москва-Ленинград 1937, с. 19-44.

Яковлев 1928:

Н.Ф. Яковлев, *Математическая формула построения алфавита* (опыт практического приложения лингвистической теории), “Культура и письменность Востока”, 1928, 1, с. 41-64, сп. <<http://creclico.seriot.ch/textes/JAKOVLEV28b/txt.html>> (30.05.2017).

Яковлев 1930:

Н.Ф. Яковлев, *Унификация алфавитов для горских языков Северного Кавказа*, “Культура и письменность Востока”, 1930, 6, с. 44-68.

Яковлев 1931: Н.Ф. Яковлев, *Аналитический или новый алфавит?*, “Культура и письменность Востока”, 1931, 10, с. 43-60, ср. <<http://crecleco.seriot.ch/textes/Jakovlev31b.html>> (20.04.2017).

Яковлев 1932: Н.Ф. Яковлев, *Унификация алфавитов в СССР в переходный период как элемент культурной революции*, “Революция и письменность”, 1932, 1-2, с. 87-89.

Яковлев 1936: Н.Ф. Яковлев, *О развитии и очередных проблемах латинизации алфавитов*, “Революция и письменность”, 1936, 2, с. 25-38.

Яковлев 2006: Н.Ф. Яковлев, *Грамматика абхазского литературного языка*, Алашара, Сухум 2006, ср. <http://apsnyteka.org/279-yakovlev_n_grammatika_abkhazskogo_literaturnogo_yazyka.html> (28.07.2017).

Alpatov 2013: V.M. Alpatov, *E.D. Polivanov: Life and Works*, в: S. Archaimbault, S. Tchougounnikov (eds.), *Evgenij Polivanov (1891-1938). Penser le Langage au Temps de Staline*, Institut d'études slaves, Paris 2013, с. 9-16.

Baudouin de Courtenay 1895: J. Baudouin de Courtenay, *Versuch einer Theorie phonetischer Alternationen. Ein Kapitel aus der Psychophonetik*, Commissionsverlag von Karl J. Trübner, Strassburg 1895.

Baudouin de Courtenay 1972: J. Baudouin de Courtenay, *An Attempt at a Theory of Phonetic Alternations: A Chapter from Psychophonetics*, в: Он же, *A Baudouin de Courtenay Anthology: The Beginnings of Structural Linguistics*, Translated and edited by E. Stankiewicz, Indiana University Press, Bloomington-London 1972, с. 144-212.

Catford 1972: J.C. Catford, *Labialisation in Caucasian languages, with special reference to Abkhaz*, в: A. Rigault, R. Charbonneau (eds.), *Actes du septième congrès international des sciences phonétiques. Tenu à l'Université de Montréal et à l'Université McGill 22-28 août 1971*, Mouton, La Haye-Paris 1972, с. 679-682.

Catford 1977: J.C. Catford, *Fundamental Problems in Phonetics*, Indiana University Press, Bloomington 1977.

Chirikba 2003: V.A. Chirikba, *Abkhaz*, Lincom Europa, München 2003.

Colarusso 1988: J. Colarusso. *The Northwest Caucasian Languages: A Phonological Survey*, Garland Publishing, New-York & London 1988.

Dumézil 1934: G. Dumézil, *Méthodes et mœurs de la linguistique caucasienne: réponse au Prince Troubetzkoy*, Adrien-Maisonneuve, Paris 1934.

Eribon 1992: D. Eribon, *Faut-il brûler Dumézil? Mythologie, science et politique*, Flammarion, [Paris] 1992.

Hewitt 1986: B.G. Hewitt, *The Labialised Sibilants of Ubykh (North West Caucasian)*, “Revue des Etudes Géorgiennes et Caucasiennes”, II, 1986, c. 21-30, cp. <http://www.georgehewitt.net/pdf/Ubykh_hg.pdf> (17.07.2017).

Hewitt 2010 : B.G. Hewitt, *Abkhaz. A Comprehensive Self-Tutor*, Lincom Europa, München 2010.

Hewitt, Khiba 2002: G. Hewitt, Z. Khiba, *An Exercise in Abkhaz Comparative Dialectology: In the Steps of N.Ja. Marr*, в: W. Bublitz, M. von Roncador, H. Vater (Hrsgg.), *Philologie, Typologie und Sprachstruktur. Festschrift für Winfried Boeder zum 65. Geburtstag / Philology, Typology and Language Structure. Festschrift for Winfried Boeder on the Occasion of his 65th birthday*, Lang, Frankfurt am Main u. dp. 2002, c. 47-64.

Kennedy Grimsted 2015: P. Kennedy Grimsted (ed.), *Archives of Russia. A Directory and Bibliographic Guide to Holdings in Moscow and St. Petersburg*, English-language Edition, Routledge, London-New York 2015 (2000¹).

Marr 1926: N. Marr, *Über die Entstehung der Sprache*, “Unter dem Banner des Marxismus”, I, 1926, 3, c. 558-599 [репринт в: Stalin, Marr 1972: 85-146].

Matthews 1950: W.K. Matthews, *The Soviet Contribution to Linguistic Thought*, “Archivum linguisticum”, II, 1950, I, c. 1-23; 2, c. 97-121.

Matthews 1953: W.K. Matthews, *Marr's Analytical Alphabet*, “Archivum linguisticum”, V, 1953, I, c. 65-74.

Polivanov 1974: E.D. Polivanov, *The Phonetics of the Language of Intellectuals*, в: Он же, *Selected Works. Articles on General Linguistics*, compiled by A.A. Leont'ev, Mouton, The Hague-Paris 1974, c. 211-219 [English translation of Поливанов 1968].

Polivanov 2014: E.D. Polivanov, *Pour une linguistique marxiste. Articles choisis, édités et présentés par Elena Simonato*, traduction du russe par E. Simonato et P. Sériot, Lambert-Lucas, Limoges 2014.

Sériot 2013: P. Sériot, *L'alphabet analytique abkhaze de N. Marr: une pasigraphie génétique?*, в: E. Simonato (éd.), *L'édification linguistique en URSS: thèmes et mythes*, Centre de linguistique et des sciences du langage, Lausanne 2013, c. 9-28 (= Cahiers de l'Institut de Linguistique et des Sciences du Langage, 35), cp. <https://www.unil.ch/clsl/files/live/sites/clsl/files/docs/publications/ILSL_35_Simonato_entier.pdf> (24.06.2016).

Simonato 2005: E. Simonato, *Marr et Jakovlev: deux projets d'alphabet abkhaz*, в: P. Sériot (éd.), *Un paradigme perdu: la linguistique marriste*, Institut de Linguistique et des Sciences du Langage de l'Université de Lausanne, Lausanne 2005, с. 255-269 (= Cahiers de l'Institut de Linguistique et des Sciences du Langage, 20), cp. <<http://www.unil.ch/files/live//sites/clsl/files/shared/CILSL20.pdf>> (20.04.2017).

Simonato-Kokochkina 2010: E. Simonato-Kokochkina, *Le mythe de l'unification des alphabets en l'URSS dans les années 1920-1930*, “Langage et Société”, CXXXIII, 2010, 3, с. 103-123, cp. <https://www.cairn.info/load_pdf.php?ID_ARTICLE=LS_133_0103> (29.05.2017).

Smith 1993: M. Smith, *The Eurasian Imperative in Early Soviet Language Planning: Russian Linguists at the Service of the Nationalities*, в: S. Gross Solomon (ed.), *Beyond Sovietology. Essays in Politics and History*, Sharpe, Armonk (NY) 1993, с. 159-191.

Smith 1998: M.G. Smith, *Language and Power in the Creation of the USSR, 1917-1953*, de Gruyter, Berlin-New York 1998 (= Contributions to the Sociology of Language, 80).

Stalin, Marr 1972: J. Stalin, *Marxismus und Fragen der Sprachwissenschaft* und N. Marr, *Über die Entstehung der Sprache*, aus dem Russischen von H.D. Bekker, Vorwort von P. Bulthaup, Rogner & Bernhard, München 1972.

Thomas 1957: L.L. Thomas, *The Linguistic theories of N.Ja. Marr*, University of California Press, Berkeley-Los Angeles 1957 (= University of California Publications in Linguistics, 14).

Tomelleri 2016a: V.S. Tomelleri, *Das abchasische analytische Alphabet. Einige linguistische und historisch-philologische Überlegungen*, “Rivista italiana di linguistica e dialettologia”, XVIII, 2016, с. 115-173.

Tomelleri 2016b: V.S. Tomelleri, *E.D. Polivanov and the Georgian Language: Synchronic Questions and Diachronic Perspectives*, в: S. Moret, E. Simonato (éd.), *Cinquante nuances du temps et de l'espace dans les théories linguistiques*, Centre de linguistique et des sciences du langage, Lausanne 2016, с. 53-81 (= Cahiers de l'Institut de Linguistique et des Sciences du Langage, 49).

Troubetzkoy 1924: N. Troubetzkoy: *Langues caucasiennes septentrionales*, в: A. Meillet, M. Cohen (éd.), *Les langues du monde*, Librairie ancienne Edouard Champion, Paris 1924, с. 327-342.

Troubetzkoy 1925:

N. Troubetzkoy, *Trudy podrazrjada issledovanija severno-kavkazskix jazykov pri Institute Vostokovedenija v Moskve* – [Travaux de la Section des langues du Caucase septentrional de l’Institut Oriental à Moscou], – N° 1: N. Jakovlev, *Tablitsy fonetiki kabardinskogo jazyka* [Tables phonétiques de la langue kabardé], Moscou, 1923. – N° 2: N. Jakovlev, *Slovar’ primerov k tablicam fonetiki kabardinskogo jazyka* [Glossaire des exemples aux tables phonétiques de la langue kabardé], Moscou, 1923. – N° 3: L. Žirkov, *Grammatika avarskego jazyka* [Grammaire de la langue avar], Moscou, 1924, “Bulletin de la Société de Linguistique de Paris”, xxvi, 1925, c. 277-286, cp. <<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k32167m>> (29.05.2017).

Trubetzkoy 1939:

N.S. Trubetzkoy, *Grundzüge der Phonologie*, publié avec l’appui du Cercle linguistique de Copenhague et du Ministère de l’instruction publique de la République tchéco-slovaque, [s.n.], Prague 1939 (= Travaux du Cercle Linguistique de Prague, 7), cp. <<http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k924519/fi.image>> (29.05.2017).

Abstract

Aleksej Viktorovič Andronov, Elena Il’inična Simonato, Vittorio S. Tomelleri
Evgenij Dmitrijevič Polivanov: The Abkhaz Analytical Alphabet. Text edition with an English Translation

The present paper features the publication of an unedited manuscript by the Soviet linguist E.D. Polivanov, submitted in November 1927 by its author not for publication but just as a contribution to the discussion around the so-called Abkhaz Analytical Alphabet. This graphic system was devised by the academician Nikolay Yakovlevich Marr on the basis of the Latin alphabet for the representation of all Japhetic (Caucasian) languages. In the first section of the introduction, the main characteristics of Marr’s Analytical Alphabet are presented; the second section addresses the linguistic discussion that followed its introduction in Abkhazia as the official alphabet in 1926 and its replacement two years later by a Latin-based alphabet. The third section comments on some questions of Abkhaz phonetics and transcription; the fourth is devoted to textual and editorial issues. The edition of the Russian text is accompanied by an English translation, prepared by Grazia Giannetta (Macerata).

Keywords

E.D. Polivanov; N.Ja. Marr; Abkhaz Analytical Alphabet; Soviet linguistics; Phonetics and Phonology.